

МИШЕЛЬ ЛАФФ
ИРИНА РИМАН

Посольская школа-2

ДУША СОКОЛА

16+

Мишель Лафф

Посольская школа-2. Душа Сокола

«Автор»

2021

Мишель Лафф

Посольская школа-2. Душа Сокола / Мишель Лафф — «Автор», 2021

Амелия — истинная невеста лучшего убийцы Клана Смерти. Она на многое готова, чтобы стать счастливой. Избавиться от соперницы, восстановить жениху память и поменять законы родного клана, допустив до учёбы в академии девочек. Да, женщина, претендующая на сердце Сокола, крайне настойчива и изворотлива, за самой Амелией ухаживает могущественный маг Франко Гвидичи, а Старейшины всё ещё настроены враждебно. Но директриса Посольской школы со всем справится. Поставит соперницу на место, вернёт любимому осколок его души и обыграет упёртых консерваторов. Главное — не позволить обаянию Франко пленить её...

© Мишель Лафф, 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Ещё не счастье, но до него рукой подать	5
Глава 2. Помолвочный браслет	8
Глава 3. Зелья и проколы	11
Глава 4. Неожиданные подарки	14
Глава 5. Военный совет	18
Глава 6. Провал или новая зацепка?	21
Глава 7. Плохие новости	25
Глава 8. Приличное предложение	29
Глава 9. неприличное предложение	34
Глава 10. Шила	36
***	38
Глава 11. Зелье Бояны	43
Глава 12. Больной	47
Глава 13. Фредерико	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мишель Лафф, Ирина Риман

Посольская школа-2. Душа Сокола

Глава 1. Ещё не счастье, но до него рукой подать

Сокол обнимал Амелию и едва верил, что это случилось. Он ждал любого исхода. Громкого скандала, требования покинуть пост командира охраны школы, попыток отхлестать его по лицу толстенным фолиантом “История магии”, но солнце не зря заглянуло в пыльную обитель школьной библиотеки. В груди разливалось тепло, а его сердце никак не могло сонастроиться с биением сердца Амелии.

“Трепещет, как у птички, – мысленно сравнил он. – Быстро-быстро”.

Маленькая, ласковая, родная. Самая прекрасная девушка на свете. “Нюхач” клана. Первый за почти сотню лет. Как же долго Витт хранил тайну. Прятал Амелию ото всех. Ещё бы, такое сокровище. Теперь он её будет прятать от разведчиков и злых языков. Защищать, оберегать. Её “люблю” до сих пор звучало в ушах. “Я люблю тебя”. Остановите время, пожалуйста! Оставьте ему этот миг навсегда. Нет, он ещё не заслужил прощения, не свернул горы ради неё. Но как же много значило: “Я верю тебе и буду ждать столько, сколько нужно”.

– Спасибо, – прошептал Сокол куда-то в светлые локоны. – Спасибо.

– Можно тебя спросить? – мягко отстранилась Амелия. – Как тебя теперь называть? Соколом или Фредерико?

Второе имя резануло слух, и лучший убийца Клана Смерти поморщился.

– Он рассказал тебе? Франко...

– Да, – кивнула она. – Возможно, не всё, но кое-что сказал. Повезло тебе с братом, конечно. Сложно представить вас в детстве.

– Повезло, – Сокол с трудом выдохнул сквозь сжатые зубы. Вспоминался то нож возле лица брата, то разбитые в кровь костяшки. Обещание убить его, подонка. – Так повезло, что именно его дару я обязан вчерашним утром. Он признался тебе, что умеет насыпать морок? И что отправил в мою спальню Малию, убедив меня, что пришла ты?

– Про мороки сказал, – нахмурилась Амелия. – Но я догадывалась и раньше. Мы говорили об этом. В моей спальне ночью перед тем, как ты и Малия.... Не помнишь?

Она замолчала, с тревогой глядя в лицо Сокола.

– Я не был у тебя в спальне в тот вечер, – отрезал он. – Ты не могла меня видеть.

– Ты просто забыл, – прошептала бывшая невеста. – Я вышла из ванной, а ты ждал, сидя на кровати. Отругал за плохую защиту, потому что зашёл в мою тайную комнату, как к себе домой. Вообще ни одного препятствия не встретил. Я рассказала, что Сирая пропала. И про поцелуй...

– Меня там не было! – вспыхнул он, не понимая, что объятия медленно превращаются в тиски. Ещё немного и Амелии станет больно от его рук. – Ты видела Франко! Гадёныш надел свою маску или снова навёл морок. И ты рассказывала ему о наших поцелуях?

“Так вот почему он раскрыл себя. Рискнул заданием Дартмунда, послал псу под хвост легенду Марко Ведари. Из ревности! Сильнейший маг просто не выдержал мысли, что понравившаяся ему девушка выходит замуж за другого”.

– Проклятая мята, – зажмурилась Амелия. – Прости, прости меня. Я такая дура. Как могла не догадаться? Я думала, что это ты, клянусь. Я... Он... Боги!

– Что он сделал? – зарычал Сокол, насильно заставляя себя разжать пальцы. – Говори, Амелия!

– Я остановила его, – выдохнула она. – Злилась на тебя из-за Малии, а сама едва не сделала то же самое. Святые предки, как же стыдно!

Невеста закрыла лицо ладонями, её плечи мелко вздрагивали. Но эхом по телу Сокола шла судорога боли. Сам дурак. Круглый идиот. Если братцу пришла в голову превосходная идея подстроить измену с Малией, то почему бы самому не отправиться к Амелии? Конечно, чего проще-то? Действие дара ни одним артефактом не отследить, иллюзия идеальна. Проклятье, да он её на себе испытал, не было у Амелии ни одного шанса!

– Хорошо, что остановила, – ответил он, так тщательно контролируя голос, словно от этого зависела его жизнь. – Ничего непоправимого не случилось. Иди ко мне. Я не злюсь. Чем хочешь могу поклясться.

“Пусть Амелия выбирает, – усмехнулся ему в лицо брат. – Пусть выбирает”.

Сравнивает между собой. Как говорят, что делают, какие подарки дарят, как целуются.

Кровь стучала в висках, горло спазмом перехватывало.

Нет, он не доставит брату такое удовольствие. Не оттолкнёт любимую из-за ревности. Права не имеет.

– Амелия, – позвал он, протянув руку.

Она убрала ладони от лица, посмотрела на него и вернулась в объятия, прижавшись всем телом. От любви до отчаяния оставался один шаг, но они замерли на краю бездны. И Сокол чувствовал – уже не отпустят друг друга.

– Хотел бы я сказать “не приближайся к Франко”, но если бы всё было так просто. Сейчас я не знаю, как с ним бороться...

– Завязать глаза? – Амелия подняла голову. – Держать его всё время под заклинанием ослепления? Я пыталась проверить, работает оно или нет. И если он не врал, то должно помочь.

“Как он тогда навёл морок с Малией? – пронеслось в мыслях. – Его не было в спальне”.

– Да, его дар похож на дар Пруста, – осторожно ответил Сокол. – Но мне кажется, мы что-то упускаем. Если верить элезийцам, то рамок у его чёрного уровня нет.

– Так не бывает, – заспорила Амелия. – У любого дара есть ограничение. Ты щелчком пальцев порталы открываешь, но убивать взглядом не умеешь. Хотя... Магнус говорил, что часть твоих сил может быть запечатана. Вдруг на самом деле и у тебя чёрный уровень?

Лучший убийца клана улыбнулся.

– Да, я часто слышал в детстве сказку о невероятном потенциале. Но то, что не поддалось лучшим лекарям просто не существует. Меня так успокаивали, чтобы не считал себя ущербным. Не опускал руки, продолжал учиться. И знаешь, у Магнуса получилось. Я действительно открываю порталы щелчком пальцев. Но до редчайшего дара наводить морок мне далеко.

Амелия прикусила губу и хитро прищурилась.

– А если вернуть твою память, дар войдёт в полную силу?

– Не знаю, – честно ответил Сокол. – Хотелось бы.

– Только не злись, – попросила она. – Лина Хельда прислала в школу женщину из тёмных. Я не знаю, что произошло, но она была больна. Потеряла память. Забыла, как ходить, говорить. Бояна, невеста Этана, придумала зелье, по крупичкам возвращающее ей воспоминания. И я написала ведьме с просьбой передать один пузырёк для моего знакомого. Она согласилась при условии, что сможет лично наблюдать за прогрессом лечения. Бояна не знает, для кого я просила снадобье.

“Только не злись”. Нет, ему было приятно, что Амелия хотела помочь. Узнала как-то давнюю историю сироты-Сокола, не особо афишируемую в клане. Ведьме написала.

– Бояна помогла мне вернуться к жизни после засады в Трезде. Из её рук я приму любое зелье, – Сокол нежно сжал пальцы Амелии и поднёс их к губам. – Из твоих тоже. Пиши, что я согласен. Хуже точно не станет. Но у меня тоже есть условие. Я хочу увидеть список побочных

эффектов до того, как выпью первый пузырь. Вдруг там чесотка, ужасные волдыри на теле и острый приступ недержания всего?

– Не замечала ничего подобного у Доротеи, – тихо рассмеялась она в ответ. – Но обязательно попроси у Бояны подробный перечень для своего подозрительного жениха... Или все должны считать твоей невестой Малию?

Сокол скрипнул зубами, вспоминая распоряжения Кеннета.

“Её нельзя спугнуть. Она совершенно точно связана с Франко и должна вывести нас на Дартмунда, на его интриги”.

– Пока да, – скривился он. – Мы в разгаре операции главы клана. Бессалийский король положил глаз на источник, но дело даже не в нём. Дикие плетут заговор против Станы. Завербовали её сестру по кругу, украли каким-то образом венец правды. Верховная рвёт и мечет, требует назад Пруста, чтобы обеспечить охрану дворца и правящей семьи. Кеннет оставит в школе другого разведчика. Он будет тихо следить за Малией.

– Да-да, я помню про документы, – Амелия вздохнула. – Они у тебя?

– Нет, я не успел, – повинился Сокол, низко опустив голову. – Пил, страдал, снова пил и страдал. Но я напишу письмо о переводе. Прямо сейчас пойду и напишу. Передам тебе через кого-нибудь из моих бойцов.

– Хорошо, Ричи.

Он вскинул брови на странное обращение.

– Почему так?

– Мне хочется называть тебя по имени, – пояснила Амелия. – Но Фредерико был до потери памяти. А Сокол – это не имя. Тебе не нравится?

– Я не чувствую его своим, – вздохнул он. – Фредерико. Ты ведь его до “Ричи” сократила? К тому же пусть Франко ещё докажет, что он мой брат. При магическом даре и возможностях цепного пса Плиния сочинить легенду и подправить память свидетелям ничего не стоит. А наше предполагаемое родство пока единственное, что удерживает меня от убийства.

– Как скажешь, – ответила она и прижалась лбом к его груди. – Не хочу тебя отпускать к Малии. Смотреть на вас и делать вид, что мне не больно.

– Амелия, – он коснулся её подбородка, вынуждая поднять взгляд. – Я предан Клану Смерти и лично его главе, но я совершенно не обязан делать вид, что хорошо отношусь к Малии. Даже на людях. Даже по прямому письменному приказу. Закрой её в нарядах по кухне и не мучайся. Нагрузи работой сверх меры, чтобы вздохнуть лишний раз не могла. Я знаю, дочь Витта переняла от отца жёсткие методы воспитания студентов академии.

– С удовольствием, – улыбнулась она. – Пусть считает меня ревнивой и мстительной. Так даже лучше, да? Не могу же я отдать своего мужчину другой и даже не злиться на неё?

– Нет, не можешь, – рассмеялся Сокол и поцеловал невесту в макушку. – Теперь мне пора идти. Показать на глаза бойцам, а то они потеряли командира. Снова мы с тобой будем видаться украдкой и шептаться под куполом тишины.

“Так даже романтичнее”, – хотел сказать он, но прикусил язык.

Ничего романтического в их ситуации не было. С одной стороны всесильный Франко, с другой Малия и Совет старейшин. Дартмунд, дикие ведьмы, Стана, Ведана и все, кому есть дело до источника магии на землях посольской школы. Но нет той ямы, из которой нельзя выбраться. А “люблю” от Амелии всегда будет придавать ему сил.

– До встречи, – шепнул он и ушёл из библиотеки.

Глава 2. Помолвочный браслет

Сокол полчаса кружил по школе, проверяя посты и выслушивая доклад Неста. За исключением пары неурядиц, всё было спокойно. Один разгильдяй уснул на посту, двое чуть не устроили магический поединок, еле разняли.

– Новенького подсели к драчунам, – распорядился командир охраны, – и поставь на полное довольствие.

– Есть, – отозвался Нест. – И надолго он к нам?

“До Совета старейшин и приговора мне жениться на посудомойке, – вертелось на языке. – Потом или я её придушу, или сам удавлюсь”.

Но градус драмы после разговора с Амелией упал от плохо контролируемой ярости до “бездна с ней, разберемся”.

– Месяц, – уверенно ответил Сокол. – Даже если подчинённый Пруста управится с задачей раньше, я его не отпущу. Лишний человек в карауле никогда не помешает. Разгрузим слегка расписание, дадим ребятам отдохнуть.

– Да я всегда “за”, – просиял несостоявшийся лекарь. – И упасите меня боги жаловаться на службу, но чем ближе к ведьмам мой пост, тем сильнее хочется домой в увольнительную. Под бок к любимой жене. Ходят стервы расфуфыренные в коротких платьях и улыбаются на всё посольство. Призывно так, маняще.

“Одна рыжая ведьма уже доулыбалась, – пронеслось в мыслях. – Сидит теперь в подвале и ждёт королевского суда”.

– А что делать, – философски заметил Сокол. – Не всякую ягоду можно съесть.

– Ага, некоторые ядовиты, – согласился Нест и попросил разрешения вернуться на пост.

Отпустив подчинённого, глава охраны отправился в спальню, чтобы проверить почтовую шкатулку. На крышке артефакта загорался и гас зелёным сиянием крупный изумруд. Много писем пришло, все внимания требовали.

Первым в стопке оказался конверт с письмом-переводом на разведчика. Сокол положил его поближе, чтобы заняться им сразу же как просмотрит остальные.

– Так, занудный бубнёж снабженца про комплекты формы, – комментировал он, сортируя письма, – приглашение на свадьбу троюродного племянника Магнуса. Программа обучения боевой магии. О, спасибо Хорсу, достучался до коллег. Ценная вещь. И ювелир...

Из плотного конверта выпал браслет-змейка. Самое простое украшение для невесты, когда у жениха ни медяшки за душой нет. Обычно его делали из серебра, но Сокол решил заказать из золота. Иначе Малия взбесится и откажется менять его на браслет Амелии.

“Мужской вариант, лин Сокол, пришлю чуть позже, – оправдывался ювелир. – Совсем забыл, что у меня кончились рубины, а бриллианты на их месте плохо смотрятся”.

– Не спешите, – аккуратным почерком вывел ответ убийца. – До официальной помолвки я его всё равно не надену, а торжество откладывается.

“И невеста не та, – добавил он мысленно. – Пока что не та”.

К его облегчению, Совет старейшин медлил с вызовом похитителя девичьей невинности на суд чести. Не так быстро двенадцать стариков рассматривали жалобы, как хотелось бы одной ушлой посудомойке. Потерпит. Не на сносях же, куда торопиться?

А вот Кеннет ответил на просьбу отлучиться в клан, чтобы расспросить её соседей, практически мгновенно.

“Нет, сиди в школе, – вдавил перо в бумагу глава клана. – Отправлю кого-нибудь, кто вызовет меньше подозрений. А то едва ты переступишь порог, как её уже предупредят. И правду не узнаешь, и Малию спугнёшь”.

Сокол скрипнул зубами и захлопнул крышку шкатулки. К дриадам её отправить бы. Свидетельство их природной магии, что посудомойка беременна, сразу сняло бы с него все обвинения. Ребёнка так быстро не зачать. А значит, пятно крови на простыне – обман. Но зеленокожие обитательницы проклятого острова, во-первых, проявляли женскую солидарность и отказывались подтверждать беременность по просьбе подозрительных мужчин. И, во-вторых, разозлившись, любили съесть самих мужчин.

“Нечего напраслину возводить на женский род. Сказала, что беременна? Смирись, что от тебя!”

Кстати, беременность у Малии предположил Магнус. Сама она ни слова не говорила. Призрачная надежда легко и быстро выйти сухим из воды была по-настоящему призрачной.

– А ты не надейся, Соколёнок, – прошептал он себе. – Боги тебя не любят. По всем кругам страданий проведут, вот увидишь. Ну и плевать. В первый раз, что ли?

Он забрал “бедняцкий” помолвочный браслет и пошёл искать Малию.

Через зеркало пришлось узнавать, где она прячется, раз на кухне нет. Сара отправила помощницу за овощами в единственное место, где было достаточно холодно, чтобы они долго не портились. В подвал под трактиром. Сокол пробрался туда коридорами для работников, но краем уха всё-таки зацепил шум из трапезного зала. Отдыхали купцы и путешественники. В “Медвежьем углу” по-прежнему хорошо кормили и стелили самые новые и свежие постели. Как бы не ворчали старейшины, а лина Хельда умела строить бизнес.

– Самых тёмных ночей, – с лёгким оттенком язвительности поприветствовал Сокол школьную посудомойку. – Вся-то ты в трудах, вся в заботах.

Пауза была между тем, как она положила грязную картошку в корзину и восторженным щебетанием в ответ. Голову в плечи слегка втянула. Боялась. Так сильно и так долго боялась, что в разгар интриг тело уже не выдерживало напряжения. Подводили хозяйку реакции. Воин бы за такое поплатился пропущенным ударом меча. Возможно, последним. Но война Малии шла с другим оружием и на другом поле.

– Вот уж кого не ожидала увидеть! Дорогой, зачем ты здесь? Ой, обняла бы, да руки грязные. Ты проголодался? Так на кухню бы сходил, там всегда что-нибудь вкусненькое найдётся.

Браслет она прикрыла длинным рукавом платья, но Сокол видел его очертания под тканью. Массивное украшение со сложным узором, драгоценными камнями. А Малия в земле ковырялась.

– Я тебе браслет помолвочный принёс, – Сокол решил закосить под дурака. Вытащил из кармана “змейку” и протянул навязанной невесте, будто не знал, что она украла подарок для Амелии. – Раз уж от свадьбы не отвертеться, то пусть всё будет по законам клана.

“Я – примерный мальчик, когда на задания не хожу и печень врагам не вырезаю”, – прозвучал голос самоиронии.

– Полгода ухаживаний, никакой близости до свадьбы, – продолжил убийца. – И это после официальной помолвки. А до неё ритуал знакомства с родителями. Мы с тобой оба сироты, я знаю. И в курсе, что дядя, который должен благословить тебя на замужество, отбыл с караваном за металлом для оружейников. Давно отбыл, не приведи бездна, не заладилось у него что-то там. Но деваться-то некуда, правда? Традицию требуют. Аж вопят, как требуют дожидаться родственника. Иначе мы со стыда сторим на церемонии перед ликами предков. Баранов зря зарежем. Жалко животных, ой жалко.

Ёрничать Сокол привык, но давно не получал от процесса такое удовольствие. Малия то бледнела, то покрывалась красными пятнами. На браслет косилась, словно жених ей вместо ювелирной змейки настоящую дохлую гадюку принёс. И возразить нельзя. Старейшины лишь тогда соглашались поженить молодых раньше положенного срока, когда невеста беременна. Признается Малия или будет дядю ждать?

– Тётушка есть, – заявила она, расправив плечи. – Седьмая вода на киселе старейшине Гируну, но правила совета знает. Благословит нас, свадьба состоится. Только зря ты браслет принёс. Я уже взяла тот, что предназначен твоей невесте и хожу с ним.

Она закатала рукав и сверкнула золотом помолвочного украшения. Дрожала, Сокол видел, но от того лишь выше задирала подбородок. Приложить бы её головой об стену, молча поменять браслет и уйти, но один из лучших воинов клана принципиально не позволял себе обращаться с женщинами подобным образом. Даже с такими, как Малия.

– Был предназначен другой девушке, – холодно уточнил он. – Не тебе. Снимай его и забирай тот, что я принёс. Иначе я донесу в совет, что ты его украла.

– Не посмеешь, – цокнула языком она, но на шаг отступила. – Тебя засмеют. Невеста обокрала, ой, ой, ой. Не буду я носить проклятую “змейку”. Такие только дешёвым девкам дарят. А я из древнего рода! Он старше правящей семьи!

Сокола начал утомлять разговор. Он на мгновение отпустил свою ярость и позволил телу стать лёгким, как воздух, и текучим, как вода. Малия не заметила даже тень, скользнувшую к ней. Убийца прижал её к стене, крепко взяв за горло.

– Снимай браслет, дрянь. Ты и волоса с головы дочери Витта не стоишь. Три секунды у тебя. Раз.

“Два” и “три” произносить не понадобилось. Дрожь от страха превратилась в судорогу. Малия сорвала браслет, с хрустом расстегнув застёжку. Слабела в его руках, сползала спиной по стене, а в глаза блестели слёзы.

“Хватит, – приказал себе Сокол. – Палку не перегни”.

Отпустил её и забрал помолвочное украшение. Змейку бросил на пол.

Поднимет. Ей не привыкать.

Глава 3. Зелья и проколы

В комнате было душно. Казалось, что сами стены за мной наблюдают. Я поверить не могла, что чуть не провела ночь с Франко.

"Проклятый менталист, – ругалась я мысленно. – Как ему в голову пришло притвориться братом?"

Я действительно не понимала. Зачем? Хотел поглумиться надо мной? Или тешил себя иллюзией, будто я отвечаю на его поцелуи?

В чём удовольствие слышать, как девушка шепчет чужое имя? Думает, что любит другого. Отдаться готова другому.

"Он сумасшедший!" – поняла я.

Выдохнула сквозь стиснутые зубы. Безумец с неограниченным магическим потенциалом, решивший расстроить мою помолвку, потому что сам влюбился.

Мне же нужен был младший из братьев Гвидичи. Весь, целиком, со всеми его давними шрамами, стёртой памятью и ограниченным спектром эмоций. И Сокол тоже был готов принимать меня такой, какая я есть. Не испугался новости о даре нюхача, не стал обвинять, что рассказала так поздно. Знал, почему я скрывала свою маленькую особенность. И даже намёка на упрёк себе не позволил.

"Не отдам его ни Малии, ни Франко", – решительно подумала я.

Как жаль, что я не могла надеть браслет. Демоновы интересы клана требовали секретности. Но мне хотелось иметь при себе что-то, напоминающее о правде. Я – невеста Сокола, а не Малия. Меня он любит, со мной провёл ту ночь. Ради меня готов на всё.

"Соколиные перья", – вспомнила я, когда взгляд упал на шкатулку.

Туда я положила изящные серёжки, подаренные женихом на первом и единственном настоящем свидании. Да, никто не поймёт, что они от него, но ведь так мне и нужно. Тайный знак. Только для меня и для него. И для Франко, имеющего доступ к моим мыслям.

– Нужно проколоть уши, – проговорила я вслух и взяла в руки шкатулку. – Хорошо, что под боком аптека с ведьмами.

Я не справилась бы сама, а попросить в школе было некого. Не к Саре же обращаться с просьбой о проколе мочек. Я видела, как она орудует ножом. Мясники клана позавидовали бы той беспощадности, с которой она рубит кости. Нет уж, такой опасности я себя не подверну, даже ради Сокола.

Посольство Фитолии всё ещё гудело потревоженным улием. Паникой пахло внутри так, что дышать становилось трудно. Я постаралась абстрагироваться от дара и вошла в аптеку. Её вновь открыли.

– Лина Амелия, тёмных ночей, – поприветствовала меня Шила, мать одной из воспитанниц. – Что-то не так с Дамирой?

– Тёмных, – ответила я. – Нет, ваша дочь на занятиях, всё в порядке. Я к вам по личному вопросу. Отец купил серёжки, а у меня уши не проколоты. Мужчины не замечают такие мелочи. Не хочу его расстраивать. Думала, если аптека открыта, то вы сможете мне помочь.

– Пока открыта, – вздохнула словоохотливая Шила и указала мне взглядом на кушетку за полупрозрачной ширмой. В ведьминской аптеке не только торговали зельями, но и осматривали пациентов. – Заместитель министра иностранных дел заверила, что посольство и дальше будет работать, но аптека – детище Первой Веданы. Если суд решит, что она виновна в предательстве, мы лишимся работы. А лавку свою я уже продала.

"Так вот откуда такой душливый запах паники?"

Ведьмы боялись перемен. Неизвестно, какое решение примет будущий министр, если Рыжую казнят.

Ведьма достала из-под прилавка чемоданчик с инструментами.

– Верховная решила судить сестру по кругу, как обычную фитоллийку? – переспросила я и покосилась на длинную острую иглу в руках Ши́лы.

– Мы сами ничего не понимаем, – ответила она. Смочила вату спиртом и скомандовала: – Устраивайтесь на кушетке и положите голову мне на колени... Ага, вот так.

– Почему?

– Потому что Верховная Стана – старшая в круге. Она может залезть в голову каждой из сестёр и достать оттуда любую информацию, – начала объяснять Ши́ла, протирая мочку правого уха спиртом. – Но она наняла целый отряд воинов вашего клана, чтобы искали венец правды. Зачем?

– Возможно, венец нужен для кого-то ещё? – предположила я, подумав о Франко.

Очень уж вовремя пропал артефакт. Как раз когда собирались допросить бессалийского студента. Да, сейчас он рассказал о себе. Но кто знает, какие тайны у него ещё остались?

– Может быть, – не стала спорить она. – Но в ковене говорят, будто Верховная с каждым днём становится слабее. Если она не слышит мысли своих сестёр, то и колдовать в полную силу не сможет.

Интересные слухи пересказала Ши́ла. Вот в клане сейчас радуются. Верховная дала слабинку, но никто пока не решается бросить ей вызов. Будут ждать исхода суда над Веданой. А вот старейшины могут подсуеиться. Наследница Станы живёт у Этана, носит неснимаемый браслет. Держу пари, совет вот-вот начнёт торопить кланового мага со свадьбой.

“Сколько можно тянуть? Давайте-ка проводите обряд, дурной пример подаёте соклановцам”.

Бояна в качестве Верховной устроит всех, включая самых консервативных воинов Клана Смерти.

“Пусть сидит на троне, – фыркнули они. – Рядом будет стоять Этан и говорить, куда вести страну”.

Пока я думала о всеобщей радости соклановцев, Ши́ла резко проткнула мочку иглой. Я вскрикнула от неожиданности и зашипела.

– Больно!

– А вы как думали? – усмехнулась ведьма, вдвывая в ухо серьгу. – Красота требует жертв. Знали бы вы, какие места было модно прокалывать лет десять назад. О, вот там действительно больно. Поверните голову.

Я послушно подставила второе ухо. Ведьма требовала терпеть, но аромат земляники выдавал её сочувствие. Не такие уж чудовища любительницы мётел и котелков.

– Дам вам обезболивающую мазь, – пообещала Ши́ла, подтверждая мои мысли, и проткнула вторую мочку. Я снова дёрнулась. – Не так уж и больно, можно потерпеть.

– Можно, – согласилась я, крепко зажмурившись. Ради Сокола можно. – А у вас на все случаи жизни зелья и мази есть?

– Почти, – улыбнулась аптекарша, распространяя тонкий медовый запах гордости. – Поэтому мы и решили выйти на бессалийский рынок.

Я зацепилась за безумную мысль. Что если знакомый передал Малии какое-то особое снадобье? С необычным эффектом. Достать такое можно было только у ведьм.

– А я слышала, что есть такое зелье, с помощью которого девушка может притвориться невинной в первую брачную ночь. Это правда?

– А что, есть необходимость? – прищурилась Ши́ла. – Ой, не краснейте, лина Амелия, дело молодое. А в клане у вас порядки до сих пор дикие. Всё понимаю. Влюбилась, наслушалась обещаний и поддалась. Мужик в кусты. Как теперь замуж выходить? Всё проще, чем вы

думаете. Можно напоить жениха вином, чтобы ничего о ночи не помнил. Потом поранить себя, кровь на простыне и бёдрах оставить. А затем глоток исцеляющего зелья – и следа от пореза не останется. Кинжал протереть и вернуть в ножны. О, и на утро старательно кривиться, будто до сих пор больновато. Даже если жених заподозрит обман, доказать ничего не сможет. Кровь есть? Есть. Ваша? Ваша. Ночью на простыне появилась? Ночью. Всё, живите долго и счастливо.

– Мне просто интересно было, – пробормотала я, краснея от стыда.

Кажется, Сокол не был пьян. Но Франко мог слегка затереть воспоминания брата, чтобы утром он не помнил, была ли Малия невинна. Идеальный план. Достать зелье через знакомого в Фитоллии было очень хитрым ходом. Купи она его в аптеке при посольстве, рисковала бы попасться. Вдруг Шила или другая ведьма случайно выдала бы мою работницу? Нет, слишком опасно.

“Нужно найти зелье, – решила я. – Представить его в качестве доказательства на Совете Старейшин”.

Слабенький аргумент, но других у нас пока не было. Если мужчина, которого видела в таверне Миса, подтвердит, для чего нужно зелье, мы спасены. А если нет, то придётся искать другие пути.

“Лично я в саркофаге на погребальном костре видела свою соперницу, – вспомнила я слова Иллаи. – Дивное зрелище, поверь мне”.

Я верила. Но надеялась решить проблему без крови, если такая возможность будет. Хотя отдавать Сокола Малии не собиралась в любом случае.

Глава 4. Неожиданные подарки

Мысль обыскать комнату посудомойки не отпускала меня всю дорогу от посольства до школы. Не хотелось дёргать Сокола или Кеннета Делири просьбами о помощи. Рано было. Пузырёк вполне мог оказаться чем-то безобидным и не связанным с интригами Франко. Но и идти на авантюру без прикрытия было бы глупо.

"В такие моменты я сильнее скучаю по Сирае", – подумала я и поёжилась.

От мысли, что её больше нет, до сих пор становилось не по себе. Вездесущий призрак-хранитель успокаивала меня одним своим присутствием. Я знала, что в школе всё всегда под контролем. И сейчас помощь мертвой ведьмы пришлась бы кстати.

"Я прикрою твой обыск, – пообещала бы она. – А ты найди доказательства обмана и парочку скелетов в шкафу этой стервы".

Впрочем, будь Сирая с нами, она бы не позволила Соколу поддаться мороку. Да, Франко был вне её власти, но заметить Малию проще простого.

"Придётся обеспечить себе прикрытия самостоятельно", – решила я и вернулась в кабинет.

На стеллаже у правой стены стояли книги и конспекты. Помогая отцу в академии, я прослушала несколько курсов лекций. Базовая защитная магия была в их числе, но помнила я о ней мало. Зато записи сохранила на случай крайней необходимости.

– Тут! – обрадовалась, вынимая самую тонкую. – Где вы, мои хорошие? Купол тишины, отвода глаз, пара сигналок. Что ещё?

Я погрузилась в записи, поэтому не сразу заметила коробку с бантом на столе. А рядом – огромный букет белых роз.

– Быстро же Сокол вернулся к ухаживаниям, – улыbnулась я, откладывая конспекты в сторону. Дёрнула за ленту, распаковывая подарок. – Что у нас тут?

Белоснежное платье из изумительно гладкого шёлка. Такая ткань стоила целое состояние, я давно мечтала сшить себе подобный наряд.

– Как он узнал?

Я приложила платье к груди и закружилась по кабинету, как делала в детстве. Папа дарил мне новые наряды, а я радовалась, примеряя их перед зеркалом.

– Это ещё не всё? – вытянула я шею, заметив на дне коробки блеск камней. – Ох, святые предки!

Сокол нашёл поистине невероятные книги. Едва ли не единственные в своём роде. Запрещённые в клане ведьминские труды о правах женщин.

– Манифест свободной и независимой, – читала я вслух названия обложек. – Жизнь без мужчин. Рассуждения о мироустройстве, свободном от войн, насилия и агрессии.

А ещё два галантных романа, где главными героинями любовных историй были как раз такие женщины.

– Умеют же ведьмы и работать, и развлекаться, – выдохнула я, едва соображая от счастья, где в кабинете пол, а где потолок. Комната кружилась перед глазами. – А лин глава охраны и лучший убийца клана полностью реабилитирован за ромашки!

Но на самом дне коробки нашлась короткая записка.

"Чтение ваших мыслей доставляет мне удовольствие, лина Амелия. Они прекрасны так же, как и вы. И заметьте, пожалуйста. Мой опасный для окружающих дар лично вам не причиняет вреда. Наоборот помогает радовать вас сюрпризами. Франко Гвидичи".

– В бездне я видела такие сюрпризы! – выщедила я сквозь зубы и скомкала записку. – Напыщенный индюк! Удовольствие ему доставляет, видишь ли! А о личном пространстве ты что-нибудь слышал? О свободе? Нет? Попадись мне только – расскажу подробно!

Я закинула платье в урну и пнула её. Руки дрожали от злости. Магия искрилась в воздухе, грозя вырваться наружу спонтанным выбросом. Пришлось задержать дыхание и зажмуриться.

– Ты мне за каждый поцелуй ответишь, – шёпотом пообещала я, медленно выдыхая. – За каждый, Франко Гвидичи!

Букет полетел в урну вслед за платьем. Белые лепестки вздрогнули и рассыпали росу, бумага помялась. Я вцепилась в “Манифест свободной и независимой”, но выкинуть его не смогла. Проклятье, столько лет мечтала! Украдкой подслушивала, как ведьмы на главной площади Фитоллии обсуждали его. Цитаты казались глотком свежего воздуха среди душной атмосферы моего клана. Старейшины, наверняка, ядом плевались, когда запрещали его. Ни в одной лавке клана было не найти. Торговцы даже за взятку отказывались привозить. Я уже привыкла, что такие книги – недостижимый идеал, и вдруг они у меня в руках.

– Чтоб тебя демоны в бездне драли, – вспомнила я любимое ругательство воинов клана и открыла “Манифест”.

Бумага сама была тончайшим шёлком. Белым, как выброшенное платье. Буквы вились чёрным кружевом, тезисы звучали песней. Я, забывшись, проглотила половину первой главы и тут долистала до иллюстраций.

Ведьмы не чурались изящного искусства. Темноволосая красавица в полоборота сидела на каменном постаменте и улыбалась мне. Её совершенное тело было украшено волнами органзы. Обнажённые ноги, обнажённые плечи. Грудь угадывалась под тканью без труда.

“Разар-р-рат, – прокаркал в моей голове старейшина Гирон. Самый вредный, злой и неуступчивый из двенадцати членов совета. – Куда катится наш мир? Этот срам могут увидеть дети”.

– Ты прекрасна, дорогая, – писала ведьма-автор под иллюстрацией. – Твоё тело – храм богини. Ты уже совершенна, достаточна, грациозна и достойна.

Нет, я в клане никогда такого не услышу. Пройдут столетия прежде, чем нам позволят хотя бы щиколотки показать. И привитый с детства стыд и чувство вины ложились на плечи чёрным плащом. Заставляли прятаться.

– Так вот по каким учебникам вы изучали строение женского тела, лин лже-Марко Ведари, – фыркнула я, закрывая книгу.

Или истории скромного студента тоже было обманом?

“Я никогда не лгал вам”.

Конечно. Вы просто умолчали, что умеете накладывать морок и дважды целовали меня, притворяясь не тем, кто вы есть на самом деле.

– Подлец, – заявила я, но книги собрала в стопку и закрыла в правой тумбе стола.

Дети не в ответе за поступки родителей, а ведьминские труды не виноваты, что их даритель не очень хороший человек.

– Разберусь с обыском комнаты Малии, пойду к Соколу и предложу помощь в разоблачении Франко, – продолжала я рассуждать вслух. – Раз он знает, что я – нюхач, то используем мой дар по назначению. Разберёмся, что скрывается за ароматом мяты от лже-студента.

Не верила я в его чувства, уже не верила. Выбросила коробку от подарка и пошла в здание бывшего приюта.

В комнату Малии я заявила без прикрытия, но с вызубренными защитными заклинаниями и самым боевым настроением. Надеюсь, что никого не встречу по пути, а, с другой стороны, мечтала развернуться и пойти в трактир. Швырнуть букет в лицо Франко и потребовать, чтобы он больше никогда не смел ко мне приближаться. И присылать подарки.

“Даже такие как Манифест?” – спросила у себя мысленно, но не ответ не нашла.

Сложно бороться с человеком, знающим все твои мысли и желания. Он неизменно находит, куда надавить, чтобы повернуть ситуацию себе на пользу. А лже-Ведари ещё и мороки наводит умеет. Неужели, от них не существует защиты?

Я повернула в замке ключ и вошла в спальню посудомойки. Купол тишины лёг без труда, отвода глаз – тоже, а вот с сигналками пришлось повозиться. Практики мне не хватало. Потренироваться бы перед проникновением, но действовать нужно было незамедлительно. Пока Малия не успела избавиться от улики.

Ничего особенного в комнате я не заметила. Узкая кровать, тумбочка у стены, встроенный платяной шкаф и небольшой стеллаж с мелочами.

– Старые украшения, – бормотала я, заглядывая в шкатулки, – поделки Лирса. О, тетрадь с рецептами. “Запечённая баранина, луковый суп, острая морковь”. Держу пари, это единственное, что она читала в своей жизни.

Язвительность облегчала задачу. Я копалась в чужих вещах и чувствовала себя мерзко, но стоило вспомнить, почему решилась на такой отчаянный шаг, и отпустить пару колкостей, как становилось немного проще. Да, я перебираю бусы, доставшиеся Малии от погибшей матери, но я не собираюсь их забирать и пришла сюда не из праздного любопытства.

– Переживёт, – отрезала я и, наконец, добралась до плетённой корзиночки-аптечки. – Бинты, настойка валерианы, сушённый чебрец, шалфей, масло эвкалипта. Недурно. Но у ведьм на склянках этикетки... Где же?

Маленький бутылёк нашёлся под бинтами. Закупоренный и полный мутной желтоватой жидкости. Зелье из листьев белой ивы. Обезболивающее от Шилы. На этикетке стояла дата продажи снадобья и подпись ведьмы. Его купили за два дня до праздника начала учебного года.

– Название может быть липой, но почему склянка полная и закупоренная? – спросила я вслух. – Заменяла на подкрашенную воду?

Я вытащила пробку и принялась. У обезболивающего зелья особый запах, его ни с чем не перепутаешь.

– Если вам нужна была моя аптечка, лина Амелия, стоило попросить, – холодно заметила Малия. Я вздрогнула и пролила зелье. – Вас мама в детстве не учила, что копаться в чужих вещах без спроса – нехорошо?

Стерва! По больному была, по маме. Злилась, по глазам видно было, что злилась. И на щеках румянец горел.

Как только вошла? Я повесила три разные сигналки – на звук, движение и магию. Снять их можно, но Малия не умеет ничего, кроме запекания баранины. Я должна была предчувствовать её приближение.

– Нет, – выщедила я в ответ, отряхивая руку от капель зловонного снадобья. – Зато успела научить, что раздвигать ноги перед чужим женихом – удел падших женщин.

– Падшие женщины не становятся невестами таких мужчин, как Сокол, – усмехнулась она. – Думаешь, если носила его браслет до меня, можешь смотреть свысока?

Запах чёрного перца мгновенно заполнил комнату. Я ошиблась. Моя соперница не просто злилась, она была в бешенстве! Тербила рукав платья и кусала губы.

У меня перед глазами вновь встала картинка того утра. Обнажённая женщина рядом с моим женихом, её пренебрежение.

“Стучаться нужно, лина Амелия!”

Я бы по голове ей постучала с удовольствием. Чем-нибудь увесистым. Раз пятнадцать.

– Могу, – я вздёрнула подбородок. – И не только потому, что носила его браслет. За мной Сокол ухаживал почти год. Он просил моей руки, ждал благословения отца и собирался соблюдать все традиции. Потому что любит меня. И потому что я того стою. А ты? Запрыгнула

в койку и под угрозой совета собираешься женить его на себе. Поэтому я могу и буду смотреть на тебя свысока, презрительно морщить нос и называть падшей женщиной. Понятно?

Малия вспыхнула. В воздухе заиграли нотки шоколадного аромата. Мне удалось пристыдить посудомойку, но гнев её тоже разгорелся ещё ярче.

– Зря ты так разговариваешь с будущей женой командира охраны клана, – она сощурилась, верхняя губа как-то по-звериному дёрнулась, оголяя оскал. Симпатичное лицо мгновенно превратилось в уродливую маску. – Попрошу у Кеннета Делири в качестве свадебного подарка твоё кресло. Новая директриса совету больше придётся по вкусу. Уж я научу девочек, как стать хорошими жёнами для достойных воинов.

Пульс застучал в висках. Только такая падаль могла использовать беззащитных детей, чтобы вывести меня из себя. Должность директрисы? Лина Хельда скорее съест одну из своих сумочек, чем позволит Малии занять моё место.

– Такими же шлюхами, как ты? – я медленно подошла вплотную к зарвавшейся стерве. – Знаешь, я терпелива, когда речь идёт о Соколе. Он тебя и сам по стенке размажет. Но если ты полезешь к моим воспитанникам... Клянусь, Малия, я превращу твою жизнь в ад. В конце концов, я и за вдовца могу выйти замуж. В Клане Смерти такие браки даже приветствуются. Подумай ещё раз, хочешь ли ты переходить мне дорогу.

– У тебя кишка тонка, – Малия поджала губы. Старалась удержать лицо, но аромат аммиака выдавал страх. – Не сможешь убить соперницу. Да и в совете не дураки сидят, догадаются, чьих рук это дело.

Будто бы совет стал бы расследовать смерть простой девушки. Умерла и умерла, погребальный костёр сложите достойный и живите спокойно. Но я никогда даже не задумывалась о том, чтобы решить какую-то из проблем убийством. До разговора с Иллаей.

– Я посещала все занятия в академии, где учат убийц Клана Смерти, – напомнила Малии. – Хочешь проверить, насколько я способная ученица?

Она не ответила, но я и не ждала. Ощутила запах разогретого масла, насладились паникой соперницы и ушла с гордо поднятой головой. И мокрым пятном на платье.

Интересно, зелье из белой ивы отстирывается?

Глава 5. Военный совет

Сокол любил подвалы кланового дома. Характерный землистый запах его не беспокоил, зато уверенность в собственной безопасности давала ощущение свободы. Мало кто из врагов в твёрдом уме и светлой памяти отправит сюда шпионов. А если и решится, то будет остановлен по-настоящему серьёзной защитой.

Спустившись ещё на уровень ниже и миновав тюремные камеры, лучший убийца открыл дверь в допросную.

– Тёмных ночей, – поприветствовал его Кеннет Делири, а клановый маг Этан молча кивнул.

Уникальная во всех смыслах личность. Хранитель мудрости предков, хозяин магической сети клана, талантливый артефактор. Именно он проводил все ритуалы и в том числе ставил и снимал метки, позволяющие семье Делири править Кланом Смерти.

– Ясного неба, – ответил Сокол и занял своё место за небольшим столом. Военный совет сегодня был в строго ограниченном составе. Обсуждать собирались Франко Гвидичи. – Иномирная деревяшка поддавалась исследованию?

– Нет, – усмехнулся клановый артефактор, – но я кое-что о ней понял. Знаю, присутствующие начнут зевать и недовольно ёрзать на табуретах, однако без лекции по теории магии не обойтись.

– Вешай уже, – нахмурился Кеннет. – Без подробных объяснений твои предположения звучат, как полный бред.

– Спасибо, – шутливо поклонился Этан. – Итак, приступим. Современные маги слегка забылись в приступе гордыни и бесстыдно присвоили силу вообще-то дарованную им богами. Ведьмы получили её от Лилит, люди от Олакая, тёмные от его брата, правящего Бездной и забирающего души умерших. Сегодня же нас интересуют их родители. Дита, богиня земли и Норос, бог любви. Мужское и женское начало.

– У элезийцев богиня земли Даяна, – добавил Кеннет. – Плиний назвал дочь в её честь. А мужское начало олицетворяют драконы. Вернее, король-дракон и два его сына.

– Да, – вернул себе слово клановый маг. – По их легенде всё живое в мире возникло, когда обезумевший дракон убил свою возлюбленную богиню. Из её погребённого тела выросло дерево, а на его ветвях появились души людей. Легенды метафоричны, но суть в них проглядывается. Плиний решил повторить фокус. Перетащил в наш мир кровь короля-дракона и сок дерева богини, но полученное семя не прижилось. Боги разные, сила разная, мир отверг чужаков.

– Звучит как хорошая новость, – осторожно заметил Сокол, – но я копчиком чувствую подвох.

– Верно чувствуешь, – улыбнулся Кеннет Делири. – Потерпев неудачу, Плиний решил найти другой способ решения проблемы. Отправил Франко в библиотеку дворца Верховной ведьмы, и цепной пёс раскопал сведения о наших драконах вместе с легендой, что именно Стане суждено их оживить.

– Из костей, рассыпавшихся от старости в труху? – удивился убийца.

– Да, Франко назвал затею дурацкой и не верил в неё, зато верил Плиний. Его дочь рассказала на допросе под венцом правды, что элезиец собирался обмануть наших богов. Подсунуть им чужое женское начало. Соединить сок дерева Даяны с кровью наших драконов и получить жизнеспособное семя. По замыслу захватчиков оно должно пустить корни, опутать весь мир и вытеснить нашу магию. Сделать уже нас чужаками. А заодно наших богов.

– Люто, – присвистнул Сокол, и в допросной повисла тишина.

Это даже не высшая магия, это основа на которой держится мир. И если рассуждать логически, то единственный шанс для захватчиков. Но Франко открыл портал возле бессалийского источника магии и все элезийцы ушли домой. Неужели угроза ещё не миновала?

– Иномирная деревяшка, украденная из комнаты Франко, и есть росток дерева богини? – спросил убийца, повернувшись к клановому магу.

– Я думаю, что да, – тихо вздохнул Этан. – Я не смог пробиться через её защиту. Не смог её сжечь, окислить, растворить или повредить любым другим способом. Она неуничтожима, потому что содержит в себе саму жизнь. Силу иномирной богини Даяны. Франко приехал с ростком дерева к бессалийскому источнику, а король Дартмунд, возможно, объединился с дикими ведьмами, чтобы свергнуть Стану и заставить её выполнить предназначение из легенды. Оживить драконов. Если у них получится, то наш мир рухнет, Сокол. Мы потеряем магическую силу и станем обычными людьми. Теми, кого так легко убить.

“Если получится” было той соломинкой, за которую мечтал ухватиться любой утопающий, но Сокол привык сначала предполагать худшее, просчитывать варианты и лишь потом позволять себе надеяться на лучшее. Франко двадцать лет служил Плинию и кое-что знал о его реальных возможностях. Раз уж идея с оживлениями драконов не забыта, то её не стоит сбрасывать со счетов.

– Где сейчас росток дерева?

– Этан отнёс его в убежище, – ответил глава клана. – Слабое укрытие с учётом того, что иномирную деревяшку ищет маг с даром читать мысли, но ничего надёжнее у нас нет.

– Вот именно, – Сокол резко поднял взгляд на Кеннета. – Я команду охраной посольской школы, Франко благодаря приказу Дартмунда ходит по ней беспрепятственно. Было не слишком-то осмотрительно раскрывать мне тайну ростка дерева богини. Я до сих пор не понимаю, как защищаться от своего взявшегося из бездны братца. Он копается в моих мозгах, как ему нравится. Деревяшку желательно перепрятать так, чтобы я о ней ничего не знал.

– Нет, – отрезал глава клана. – Это бессмысленно. Франко с тем же успехом может прочесть мою память или память Этана. Да он по дворцу Станы разгуливает, как у себя дома. Усиление секретности ничего не даст, только разобьёт нас. Сокол, мне плевать, что он твой брат. Ты – часть Клана Смерти, член военного совета, один из старших командиров. Я не могу и не хочу держать тебя в стороне от дел из-за сорвавшегося с поводка цепного пса Плиния. Я, кстати, уже думал о том, что его хозяин выжил. Моя вина, что отпустил элезийца в портал. Никогда нельзя считать мёртвым, пока не сожжешь труп. Да и труп желательно несколько раз проверить. Конечно, если Плиний хочет вернуться, то Франко продолжает его дело. Мы до сих пор не знаем, какой у них был договор. Что заставило сильнейшего мага предать свой мир? Ведь он тоже потеряет силу.

– А если нет? – вмешался в разговор Этан. – Ведь элезийцы придумали способ пользоваться своей магией даже без дерева своей богини. Превратились в медведей-оборотней. Что если Франко тоже стал гибридом? Тогда ему тем более выгодно, чтобы элезийское изначальное семя прижилось у нас. Он останется единственным существом, способным колдовать.

– Сумасшедший ублюдок, – зло сплюнул Кеннет. – Пусть все сохнут, пусть мир горит огнём, лишь бы он пришёл к власти.

– Ему двадцать лет Плиний мозги промывал, – неожиданно вступился за Франко клановый артефактор. – Ломал его, душу наизнанку выворачивал, чтобы когда придёт время, рука не дрогнула открыть портал для захватчиков. Он безумен, потому что сам почти убит. А иномирный росток – единственный шанс хоть как-то оправдать то, в кого он превратился.

– Бедный мальчик, – съязвил Сокол и не почувствовал даже тени стыда, – так страдал, так страдал. И чтобы утолить печаль, столько людей в бездну отправил. Интересно, почему не помогло? Некого там жалеть, Этан. Он свой выбор сделал и двадцать лет его придерживался.

Вся наша забота теперь – найти его слабое место и расстроить планы. Есть идеи, кроме ослепления?

Голос ещё не дрожал, но от гнева и боли уже всё горело в груди. Не бывает всемогущих магов. Те, кто так думал, давно мертвы. Где-то у Франко есть больное место. Рана, которую можно разбередить. Неужели любовь к Амелии? Он ведь мог бесконечно долго притворяться Марко Ведари, но пожертвовал маскировкой, чтобы подослать Малию и расстроить помолвку.

– Ты его слабое место, – глухо отозвался Кеннет Делири. – И дело не в братских чувствах, я в них тоже не верю. Вы росли вместе. Он учился управлять даром у тебя на глазах. Я уверен, что твоя память стёрта не из соображений безопасности. Не из страха, что Плиний найдёт семилетнего мальчика, чей дар так и не пробудился. Ты знаешь, как убить Франко. Знаешь, но не помнишь.

Надежда всё-таки выглянула первыми лучами солнца над горизонтом. Сокол улыбнулся, мысленно благодаря любимую девушку за ум и находчивость. Если зелье Бояны сработает, как нужно, то память к нему вернётся точно так же, как разум почти вернулся к Доротее.

Глава 6. Провал или новая зацепка?

Злость на Малию не утихала. Набатов стучала в висках, магическими искрами щекотала кончики пальцев. Зубы сводило от желания отгаскать наглухо посудомойку за волосы. Ладно Сокол. Красивый мужчина, обаятельный. Я понимала, почему она захотела женить его не себе. Тем более, если считала свободным от обязательств. Но кресло директрисы и будущее моих воспитанников – перебор.

"Нужно поднять конспекты по токсикологии", – задумалась кровожадная часть меня.

Та самая, что угрожала сопернице, глядя в глаза. И самое страшное, угрозой ограничиться я не собиралась. Теоретические знания на лекциях в академии я получала наравне со студентами. Да, не сдавала экзамены и уж тем более не тренировалась на практике, но иногда теории достаточно.

– Не в случае с защитой, – напомнила себе вслух и замерла во дворе школы. Собиралась в кабинет, чтобы написать пару писем. Но теперь задумалась. – Куда делись сигналки и купола?

Мастером я не была, но следовать инструкциям умела. Напортачить не получилось бы даже при желании. Так куда же делись чары? Испарились сами по себе? Едва ли.

Но Малия могла поставить свои сигналки в комнате. Незаметные. Одноразовые. Я случайно задела одну из нитей и посудомойка получила сигнал, что кто-то копается в её вещах.

"Чепуха какая-то, – возмутилась я мысленно. – Вешать такую защиту умеют далеко не все. И уж тем более снимать чужие купола. Слишком тонкая работа, обычная клановая девчонка на неё не способна".

– Если только Малия не шпионка, скрывающая свои настоящие умения, – пробормотала я очередную безумную идею. Клановая паранойя радостно подняла голову и наострила уши. – Мне нужен Сокол.

Больше вмешиваться в расследование главы без поддержки жениха я не собиралась. Хватило того, что попала на месте преступления. Разлила единственную улику и угрожала подозреваемой расправой. Да Кеннет Делири мне голову открутит за самодеятельность! Нет, усугублять ситуацию стало бы величайшей глупостью.

"А лезть в комнату потенциальной преступницы без прикрытия и нужных навыков – признак твоей гениальности?" – уточнил язвительный внутренний голос.

К демонам! Рассказать всё Соколу лишним не будет!

По расписанию у лучшего убийцы Клана Смерти должны были начаться занятия по боевой магии. Теорию он особо не жаловал, предпочитал на практике объяснять, какое заклинание эффективнее, так что я отправилась на полигон. Ещё издали было заметно, как сверкают молнии, в воздухе пахло грозой и азартом двух десятков детей. Забавно, что эмоции легко просачивались сквозь штатные защитные купола. Почему тогда я никак не ощутила приближение разгневанной Малии?

– Недолёт, – громко объявил Сокол. – Не жадничай с силой, Лирс. Чем мощнее заряд, тем лучше. Да не бойся никого зацепить, я щит держу.

Пока я шла через подсобные помещения, манекену уже досталось от племянника Малии. Дети засвистели и захлопали в ладоши, а жених щелчком пальцев убрал заклинание щита.

– Перерыв пятнадцать минут, потом продолжим, – объявил он, заметив меня.

Клановый мундир снял. Стоял посреди залитого солнцем полигона в одной рубашке. Не по-весеннему жарко сегодня было. Красные после занятий с Ксаниром мальчишки страдали в тёплой форме. Но всё, что себе позволили провинившиеся Кондр с Дайсом – расстегнуть верхние пуговицы. Приживалась у них дисциплина. Ой, впрок шли воспитательные манёвры бывшего главы клана. И Сокол им не противоречил.

– Выглядишь так, будто Ведана сбежала из тюрьмы под дворцом и опять наговорила тебе гадостей, – прошептал жених, осторожно касаясь моей руки. – Что случилось?

– Я залезла в комнату Малии, – начала я с главного и осеклась под внимательным взглядом любимых голубых глаз. Если бы мы стояли не на полигоне, я могла бы обнять жениха. Поцеловать его и успокоиться. Но на нас смотрели воспитанники, даже простое прикосновение к руке могло вызвать сплетни. Я тряхнула головой, прогоняя оцепенение. – Повесила купола тишины и отвода глаз, расставила несколько сигналок. Но она вошла в комнату так, будто их вообще не было. Если ты её этому не учил, то у нас проблемы. В школе не один, а два сильных мага с неизвестными планами.

– Малия – почти пустышка, – слегка рассеянно ответил Сокол, присматриваясь к чему-то у меня на шее. Ох, серёжки же! Его подарок, ради которого я пережила болезненный прокол ушей. Тончайшие пёрышки из золота. Я успела привыкнуть, какие они были лёгкие, а обезболивающая мазь позволила забыть о процедуре. – Её дара хватает на несколько искр спонтанного выброса и тренироваться она не спешит. – Жених улыбался. И вдруг, забыв об осторожности, провёл пальцем по золотому перу. Серёжка закачалась, отправив солнечного зайчика на белую рубашку воина. – А снимать купол сложно. Для начала стоит выяснить, что он вообще есть. Поисковый артефакт достать. Он пищит обычно. Ты слышала писк, сидя в спальне?

– Нет, ни писка, ни звука шагов, ни сработавших сигналок не было. Я не воин, но повесить элементарную защиту могу. А вот незаметно снять чужую – уже вряд ли. Тут нужна практика, – я переступила с ноги на ногу, начиная нервничать ещё сильнее. – Если ты уверен, что Малия не способна на такую сложную магию, то ей кто-то помог.

Сокол отвлекся от созерцания моего молчаливого знака любви в виде золотых перьев и задумался. Жаль, я не чувствовала его эмоций. Не понимала, почему не отчитывает меня за опасное самоуправство и не грозит посадить под замок, чтобы не ломала клану шпионские операции. О, боги, я чуть всё не испортила!

– Нест, – вполголоса сказал Сокол, вынимая переговорное зеркало. – Кто сегодня “ходил” за посудомойкой? Новенький уже на посту или ещё не распаковался?

Я прикрыла глаза, тихонько выдыхая. Вот откуда такое железное спокойствие у моего жениха. Малия должна быть под присмотром разведчика. Воины полностью контролируют ситуацию. Если моя нелюбимая работница на самом деле сильная колдунья или завела в школе себе товарища по злодейству, то Соколу доложат, как только она попадётся.

– Новенький только с задания, – глухо отозвался несостоявшийся лекарь, – отъезжает у Сары. Я сам приглядываю за всеми. Малия подошла на пост и чуть ли не в истерике билась, что в её спальне смертельную ловушку сделали. Ну полный бред. Однако я решил проверить. Естественно, ничего там не было, одни купола защитные стояли, поисковик на них нагрелся. Я и снял их. Зачем они в школе? Может, кто из детей баловался?

“В учительском общежитии дети баловались? Ну-ну!” – Потирала руки клановая паранойя.

Нест мог помогать Малии и раньше. Непонятно только две вещи: зачем ему нужно подыгрывать посудомойке и почему он сейчас признался?

– Все, кому хватило бы сил так баловаться, у меня на полигоне упражнялись, – холодно ответил Сокол. – Да и нечего воспитанникам делать в здании бывшего приюта. Почему не доложил?

– Так глупость же, – пробормотал Нест и добавил уже громко: – Виноват, командир, исправлюсь.

– Свободен пока, – ответил жених, разрывая магическую связь. – Глупость, как же. Слежка за Малией на личном контроле главы клана, а он защитные купола с её комнаты снимает, ничего мне не сказав. Бездна, снова морок от Франко? Ему надоело надо мной изде-

ваться, до воинов добрался? Но зачем? Проще было самому купол снять, раз так хотелось, чтобы Малия застучала тебя.

Мне тоже не нравилось поведение Франко, но все беды сводить лично к нему казалось неправильным. Он действительно легко снял бы защиту, если бы сотрудничал с посудомойкой. Не стал бы подсылать Неста.

– Защита и раньше слетала. Помнишь свидание в твоей спальне? Ты спросил, почувствовала ли я защитные артефакты. Это может быть совпадением, но если дежурил Нест...

Сокол ещё возмущался, что ему фальшивку подсунули на бессалийском рынке. Конечно, торговцы – не самые честные люди, но сдавалось мне, что дело в другом.

– Я не хочу подозревать его в предательстве, – наконец, ответил жених. – Я каждого из своих бойцов лично в охрану школы отбирал, знаю их много лет. Если без морока, а добровольно, то я никакого мотива не вижу. К тому же Нест сам всё выложил. Бездна, не к Прусту же его отправлять!

В воздухе слабо потянуло чёрным перцем. Сокол давил свой гнев, не давал ему развернуться, чтобы не мешал думать. Я понимала, насколько неприятно подозревать соклановцев, но мы практически на войне с Франко и теми, кто за ним стоит.

– Хорошо, я дам секретное задание новенькому следить ещё и за Нестом, – жених прикрыл глаза. Его красивое лицо на мгновение исказила гримаса боли, но мой дар не помог ощутить аромат перезрелой сливы. По-прежнему не действовал на потерявшего память Сокола. – Того, кто предупредил о тебе Малию, мы сегодня, как я понимаю, не найдём. Хорошо, допустим. Ты что-нибудь раскопала в её спальне? Чем закончился обыск?

– Полную склянку обезболивающего зелья, – ответила я. – Закупоренного. Если неизвестный друг Малии передал это снадобье, то оно не особенно было ей нужно. Да и странно как-то покупать в столице лекарство Шилы, когда она работает в аптеке при посольстве.

– Зелье местное? – жених впился в меня взглядом. – Да, странно, ты права, это хорошая зацепка. Покидать территорию школы мне лин Делири пока запретил, но с нашими-то ведьмами мне никто не мешает переговорить. Спасибо, Амелия. Видишь, сколько мы из твоего похода ниточек вытянули? Но постарайся больше так не подставляться. Хотя бы меня в следующий раз предупреди.

Вот и укол с толикой нотаций.

– Хорошо, – улыбнулась я. – Но не жди, что я буду сидеть сложа руки. Просто не смогу. Франко слишком близко подобрался к детям, Малия тоже постоянно рядом с ними. Мне не нравится такое соседство.

– И тем не менее, – с нажимом сказал Сокол. – Думай о себе и своей безопасности в перерывах между тревогами за детей. Полная школа охраны, о них есть, кому позаботиться. А если Франко подстроит тебе такую сцену, какая была у меня с Малией? Исключительно из вредности, желания мести и со словами “так не доставайся же ты никому”.

– Мы не знаем, как от него защититься, – ответила я вполголоса. – Если Франко снова захочет устроить нечто подобное, то противопоставить ему нечего. Я не хочу и не могу ходить по школе, пугаясь даже собственной тени. Но обещаю тебе быть осторожной.

Сокол так тяжело выдохнул, что чудом глаза не закатил.

– Я сейчас сяду разбирать корреспонденцию. Первым делом напишу Бояне, что ты согласен на эксперименты, – попыталась я поднять жениху настроение. – Чем скорее мы вернём тебе память и силу, тем больше шансов победить Франко Гвидичи.

– Да, зелье нужно начать пить как можно скорее, – мгновенно оживился он. – А теперь, лина Амелия, прошу прощения, мне нужно продолжить урок.

Я снова улыбнулась. Становилось забавно каждый раз, когда Сокол переходил на официальный тон. Мгновенно вспоминалось, как я отгораживалась от него вежливостью.

"Посмотрите, лин Сокол, я невозмутима и холодна, ваше обаяние не работает. Прекратите заигрывать!"

Но он не прекращал. Даже когда был вынужден обручиться с другой женщиной, нашёл силы на разговор со мной. Потому что не привык сдаваться. И Франко придётся с этим смириться.

Глава 7. Плохие новости

Я вернулась в кабинет и села за письма. Бояне написала короткое послание с согласием Сокола на участие в эксперименте. Попросила по возможности ускорить процесс, ссылаясь на нетерпение испытуемого. Я не знала, как много рассказывают невесте кланового мага, поэтому боялась выдать секреты главы.

– Дальше, папа, – пробормотала я и снова взялась за ручку.

Ему и Хельде Делири писала по поводу праздника инициации. Он приближался неумолимо, а для допуска к соревнованиям моих воспитанниц ещё не было сделано ровным счётом ничего. Ребятам разрешили участвовать, но я хотела большего.

Ответ от жены главы пришёл почти мгновенно. Лина Делири просила подождать.

“Нельзя сейчас давить на Совет, – настаивала она. – Мы только что забрали детей из семей. Старейшины злы и раздосадованы. Если прямо сейчас выдвинем им новые условия, поднимется бунт. Мне тоже не терпится переделать Клан Смерти, но мы должны быть терпеливыми. Любому ростку нужно время, чтобы окрепнуть”.

Я скомкала бумагу и закинула в урну. Терпение – это замечательно. Прекрасно, я бы сказала. Если бы не одно “но”.

Я тут из кожи вон лезла, чтобы донести до девочек, что они ничем не хуже парней. Боевой магии их Сокол учит, Ксанир по полигону гоняет на равных условиях. Работают они столько же, сколько ребята, а на выходе получают дырку от бублика. Что я им скажу? “Я видела, как вы стараетесь, но по политическим причинам отказываю вам в праве показать свои результаты. Мы не можем давить слишком сильно, у старейшин клана сердечки слабые, могут не выдержать!”

– Потрясающе! – хлопнула я ладонью по столешнице. – Росток, лина Хельда, поливать нужно. Сам собой он не вырастет!

Но отец был согласен с женой главы. Ни клан, ни мои воспитанницы пока не готовы к испытаниям на празднике инициации.

“Магнус считает, что нужно переждать год. Я думаю, он прав. Организуй работу школы по высшему классу, заполни все прорехи в знаниях учеников. А в следующем году привезёшь и мальчишек, и девчонок”.

– Вы сговорились? – зашипела я, и второе письмо тоже полетело в урну. – Неужели непонятно, что ждать мы не можем?

Я забрала детей у опекунов. Дала учебники и полигоны, чтобы учились и тренировались. Для сирот обучение в академии стало мечтой. Даже девочки робко шептались об этом по углам. Пусть они все пока не готовы. Пусть проиграют. Но нельзя отнимать у ребят шанс попробовать свои силы. Почувствовать себя такими же, как другие дети.

– Старейшин давно пора заменить, – бормотала под нос, составляя ответ для отца. – Если им так тяжело принимать перемены, то развитие в клане никогда не произойдёт. Так и будем ковать оружие и убивать по заказу. К чему все старания? Пусть сироты и дальше голодают, но живут при опекунах. Пусть девочек отдадут замуж силком. Пусть женщины пылинки сдувают с изменщиков и тиранов, потому что иной жизни не знают. Терпение же такая замечательная добродетель! Знаю я ваше “потерпи”. Сначала год, потом два. Ещё десять, чтобы уж наверняка. А я тут буду лапшу на уши каждому новому набору вешать. “Вот-вот всё решим, вот-вот, уже почти”.

Нет, я на такое не подписывалась. Лина Хельда обещала мне поддержку, отец говорил, что будет помогать всеми силами. А когда пришло время действовать, в кусты спрятались?

– Мои воспитанницы будут участвовать в испытаниях в этом году, – нацарапала я в письме отцу.

Если понадобится, я сама к Гиرونу пойду. Он ведь не дурак. Должен понимать, что нам нужны изменения. Нужны сильные воины. Чем плохо, если они будут носить платья и длинные косы?

Ведьмы построили посольство, будто ещё один дворец для Верховной. Колонны, лестницы, гигантский купол – всё из мрамора. Скульптуры полуобнажённых женщин могли смутить любую скромницу из Бессалии. Здесь так не одевались, не позволяли себе, но ведьмы были созданы, чтобы идти против правил. Это-то и заставляло Сокола подозревать каждую, если не в заговоре против действующей правительницы Фитоллии, то в помощи Франко. Особенно ведьму Шилу, хозяйку аптеки. Её имя стояло на пузырьке обезболивающего зелья, найденного в спальне Малии.

– Тёмных ночей, – поприветствовал её Сокол под перезвон колокольчика, подвешенного над дверью.

Чёрноволосая красавица в платье оливкового оттенка вышла из-за стойки и улыбнулась воину Клана Смерти.

– Ясного неба. Лин Сокол, если я не ошибаюсь? Чем могу быть полезна главе охраны нашего посольства?

Репутация мешала быть незаметным и напрочь уничтожала эффект неожиданности. Сокол заставил себя улыбнуться в ответ, настраиваясь на роль первого бабника Фитоллии. Лёгкого, несерьёзного и разговаривающего, кажется, одними шутками.

– Дезинфицировать душевные раны я предпочитаю исключительно красным фитоллийским, а тело на такой приятной во всех отношениях службе давно забыло, что такое меч врага. Скучно только. Покрываюсь тут плесенью, изнываю без женского внимания. Что скажете, лучезарная лина, найдётся для утомлённого путника пара живительных капель-минут вашего драгоценного времени?

Посетителей в аптеке не было, Шила тоже скучала. По замыслу Веданы торговать предполагалось на всю Бессалию, соблазняя местных запрещёнными Инквизицией зельями. Территория посольства по дипломатическим законам была фактически территорией Фитоллии. Здесь ни один инквизитор не имел права даже косо посмотреть ни на одну ведьму, но проблемы пришли, откуда не ждали. Пока Ведана сидела в королевской тюрьме, ворота для гостей посольства закрыли. А дипломатам, членам их семей и работникам школы лекарства были нужны не так часто.

– Отчего же не поболтать с интересным мужчиной? – Шила кокетливо откинула кудрявые волосы за спину и стрельнула в Сокола глазами. – У меня и красное фитоллийское есть. Душевные раны вредно оставлять без внимания. Что гнетёт такого прославленного воина? Не верю я в недостаток у вас женской ласки, хоть убивайте. Покажите мне ту дурочку, что посмела бы вам отказать.

Ведьма облокотилась на стойку так, чтобы грудь в глубоком декольте стало лучше видно. Сокол привычно направил взгляд туда, куда его приглашали, и всем своим видом продемонстрировал, что впечатлён. Любая женщина нуждалась в поощрении. А на скрытом допросе в непринуждённой форме нуждалась в знаках ответного внимания вдвойне. Начинались взрослые игры.

– От бокала красного не откажусь, – Сокол, не дожидаясь приглашения, сел в кресло рядом с низким столиком и пальцами поправил волосы. – Соскучился по привычной роскоши. Здесь всё другое. Не скажу, что хуже или дешевле, просто другое. Оттого и бросаются в глаза знакомые имена на этикетках.

– Какие, например? – Шила ловко вынула из-под прилавка начатую бутылку, два изящных бокала и устроилась в соседнем кресле. Вино, согласно этикету, разливал сам Сокол. – Дети носят в школу игрушки с эмблемой ведьминской мастерской или какая-нибудь мама забыла срезать бирку с одежды?

– Нет, речь о зельях, – убийца привычно провёл над своим бокалом ладонью и посмотрел на камень в перстне-артефакте. Он остался зелёным. Яд магия не обнаружила. – Я вчера пожаловался на головную боль, так мне предложили настойку из коры белой ивы.

– А говорите, тело забыло о хворях, – сочувственно покачала головой ведьма и пригубила вино. – Однако зелье сильное, любая боль должна была пройти. Неужели вы пришли за добавкой? Помилуйте, лин Сокол, это почти оскорбление моему искусству.

“Ага, она мгновенно поняла, что речь о её зелье”, – мелькнуло в мыслях.

– Нет, мне нужен тот, кто его у вас купил. Воин проигрался в кости, должен мне денег. Прячется, мерзавец, словно я – опороченная им дева и требую сыграть свадьбу. Никакого представления о мужской чести. Позор всему Клану Смерти. Поможете его найти? Я в долгу не останусь, лина Шила.

Обещание скользило в каждом жесте и во взгляде Сокола. Ведьма жадно ловила его знаки, реагировала затаённым дыханием, но колоться не спешила, стерва.

– Не знаю, вспомню ли его. Торговля в столице была бойкой, не чета местной. Десятки зелий через руки проходили каждый день. “Белая ива” полгода хранится. Так что продать я её могла очень и очень давно.

– Моего знакомого трудно забыть, внешность приметная, – Сокол блефовал. Он понятия не имел, кто мог купить зелье для Малии. У Франко была маска, позволяющая нацепить любую личину. От рыжеволосого Марко Ведари до хмурого Пруста или, чем демоны не шутили, самого Кеннета Делири. Однако рискнуть стоило. – Голубоглазый блондин с роскошными кудрями. Такой сладкий на вид, что его можно в чай вместо варенья добавлять. На меня чем-то похож. Смутно. Будто мы родственники.

У Шилы кровь от лица отлила, а в глазах отразился испуг. Ох, велико ведьминское коварство, но профессиональных разведчиков среди тружениц зельеварения Сокол не видел. Спалилась, красotka.

– Он мог представиться любым именем. Любым, заканчивающимся на “-ко”.

– Нет, не припомню, – встрепенулась аптекарша и залпом осушила сразу полбокала. – Тем более имя редкое. Кто сейчас так старомодно называет детей? Всякие Джанко и Роско остались только на плитах фамильных склепов. Я сама родом из Бессалии, видела такие на заброшенных кладбищах. Нет, настолько необычного покупателя я бы точно не упустила из вида.

Шила лгала и не могла найти в себе смелости даже в глаза Соколу посмотреть. Хоть сейчас её бери и тащи в подвал кланового дома на пытки. Неужели Франко не уничтожил ей память? Посчитал покупку зелья мелочью и потому прокололся? Очень хотелось в это верить, но Сокол не спешил.

– Жаль, а я так надеялся, что нашёл верную зацепку.

Щёки ведьмы порозовели. Она уже успела взять себя в руки, а потому вздоха облегчения не последовало.

– Мне тоже жаль, что я ничем не смогла помочь. Ещё вина, лин Сокол?

Он кивнул, заметив, что ведьма сама потянулась за бутылкой и тут же отёрнула руку. Нервничала Шила. Бездна, да она была в панике!

Шпионка диких? Связная между Франко и Лианной? Похоже на то. Диких было мало, специально их никто для особых заданий не готовил. Держалась аптекарша хорошо. Вся её проблема была в том, что не идеально.

– Нет, спасибо, я на службе, – улыбнулся Сокол. – И пять минут перерыва давно истекли. Было приятно познакомиться, лина Шила.

– Взаимно, – расцвела в ответ ведьма.

Третья цель для разведчика Пруста. И судя по тому, в какой она панике, приоритетная. Едва за Соколом закроется дверь, побежит за инструкциями, что делать дальше. Хорошо бы к Франко, но и любой связной от диких Сокола тоже устроит.

Не школа, а полигон, наштигованный смертельными ловушками. Ногу некуда поставить, чтобы не вляпаться. Нужно забирать отсюда Амелию. Играть свадьбу и просить Витта перевести дочь обратно в академию. Чем дальше она будет от источника, Франко и дворцовых интриг, тем лучше.

Глава 8. Приличное предложение

Отец мне больше не писал. Понял, что я на взводе, и решил устроить день тишины. Лина Хельда, по-видимому, просто была занята бизнесом, ребёнком или политикой. Так что на моё гневное письмо она тоже не ответила. А вот Бояна настрочила радостное послание. Заверила, что запас зелий почти готов.

“Скоро прибуду, лина Амелия, ждите в гости!” – предупредила ведьма.

– Хоть какие-то хорошие новости, – вздохнула я и отодвинула почтовую шкатулку. – А то от отказов уже глаз дёргается и клыки режутся.

Я с головой погрузилась в отчёты и учебные программы и не заметила, как пролетело несколько часов. Если бы в дверь не постучали, так и корпела бы над бумагами.

“На обед пора”, – подумала я.

– Войдите!

Лучше бы я не отвлекалась от работы.

Через порог переступил Франко Гвидичи собственной персоной.

– Тёмных ночей, – я даже не старалась изображать радушие. Сил не было. – Какими судьбами?

– Зашёл пожелать вам ясного неба, – улыбнулся он, настолько точно копируя манеру Сокола, что мне стало не по себе. Кто-то ещё сомневался, что они братья? – И узнать, пришли ли ко двору мои книги. Не достать ли для вас что-нибудь ещё?

– Не стоит, – отрезала я. – Одежды у меня полно, цветы разлюбила, а книги слишком дорогое удовольствие, лин Гвидичи. Я обойдусь без подарков.

“И без мороков!” – хотела добавить я, но сдержалась.

Побоялась, что если затрону тему его вероломного обмана, то остановиться уже не смогу. Меня до сих пор за несколько секунд до бешенства доводила мысль о том, что мы могли заняться любовью в ту ночь. Я думала бы, что отдаюсь Соколу, а на самом деле...

“Пожри тебя Бездна, Франко Гвидичи!”

– В Бездну, кстати, я уже заглядывал, – усмехнулся он. – Так себе местечко. Серо, холодно и компания не очень. Демоны. А за цену книг не волнуйтесь. Я могу позволить себе почти любую покупку, лишь бы видеть радость в ваших глазах.

Забавное утверждение, учитывая, что радость он мне мог внушить. Или не мог? Где вообще заканчиваются возможности его проклятого дара?

“Он слышит”, – напомнила себе я и попыталась отодвинуть злость подальше.

Пришлось сконцентрироваться на чужих эмоциях. Запах тигровой лилии смешался с уже привычным ароматом мяты.

– И всё-таки, – я заговорила спокойнее, – я попросила бы вас не дарить мне больше ничего, не оказывать знаков внимания и по возможности не приближаться. Мне не хочется каждую минуту общения с вами беспокоиться, где реальность, а где ваша ментальная игра.

– У вас есть шарфик на этот случай, – Франко склонил голову набок, отчего золотистые локоны рассыпались по плечам. – И моё честное слово вместе с сожалением, что одна минутная слабость уничтожила доверие между нами. Ну не удержался я, каюсь. Знали бы вы, лина Амелия, как больно смотреть на любимую девушку в руках другого. Вспоминать бытующее в обществе: “Ты же старший брат, обязан уступить”. Ага, отойти в сторону и не мешать чужому счастью. Но со своим-то как быть? Я по-прежнему теряю голову от чарующих звуков вашего голоса. Схожу с ума от аромата кожи. И как бы странно это не звучало, мне нравятся ваши мысли. О, сейчас почти не встретишь девушек с принципами, с идеями, со стремлением создать лучший мир. Вы возвращаете мне веру в людей.

Сладко пел бессалиец. О любви говорил, и мята кружила голову. Маг не лгал о своих чувствах, но легче мне не становилось. По его милости я узнала, каково видеть любимого мужчину в объятиях другой женщины. Из-за него расстроилась моя помолвка. Если я возвращала Франко веру в людей, то он каждым неосторожным действием отнимал её у меня.

“Я просто очень устала! – убеждала себя, разглядывая брата Сокола. Он смотрел на меня, не отводя взгляд, читал каждую мысль и продолжал нервировать своей сбивающий с толку прямоотой. – Упёртые старейшины с глупыми отказами, Малия со своими интригами. Ещё и мысли контролировать нужно. Долго я так не выдержу”.

– Интересно, из каких закоулков моего разума вы вытащили “манифест”? Я даже думала о нём с осторожностью из-за запрета Старейшин.

– Так я всё-таки угадал с ним? – Франко заблагоухал ароматом чистейшего счастья. – Ай, да ведьмы, ай, да молодцы! Отблагодарю потом, что подсказали. Нет, лина Амелия, я не умею читать мысли, если не вижу их хозяина. Я заметил, что вы активно учите и тренируете девушек. Затем подслушал разговор Хорса о “дерзкой и молодой директрисе” и просто сложил одно с другим. Дар не очень-то нужен, если научен тщательно анализировать наблюдения. Хотя он иногда помогает. Например, я мог бы убедить Старейшин, что Посольская школа весьма полезна, а вы – светлое будущее Клана Смерти.

Во-первых, это бесчестно. Но, во-вторых, эффективно. Франко уже показал, насколько серьёзным может быть его влияние на разум жертвы. Гирон, вещающий на совете о важности прав женщин, – стоящее зрелище. И не будет бунта, которого так боялась лина Хельда. Все консерваторы разом переметнутся на мою сторону. Сами начнут убеждать наших соклановцев отправлять детей в Посольскую школу. И штат учителей получится пополнить. Если значимость нашего учебного заведения вырастет, то от кандидатов отбоя не будет.

– Вы предлагаете мне помощь или дразните своими умениями?

– Я предлагаю такой подарок, какой вы точно примете, – мягко ответил он, и в картине эмоций появился новый аромат. Спелая малина предвкушения. – Однако задача сложная. Копаться в умах высокопоставленных стариков под носом у Кеннета Делири и пары тысяч его воинов чревато неприятностями. Даже для сильнейшего мага. Я ведь один там буду.

Я вообще слабо себе представляла, как он мог бы повернуть такое в Клане Смерти, где большая часть взрослых мужчин – искусные воины. Сильные боевики, мечники. “Опасно” – недостаточно ёмкое слово, чтобы обозначить затею Франко. Однако от него по-прежнему пахло предвкушением.

– Сложная задача, – повторила я за ним. – Но не невозможная, правда? Какой помощи вы от меня хотите?

– О, это даже не помощь, – он покачал головой и посмотрел на меня исподлобья. – Всего лишь знак от вас, что мои старания не напрасны. Куда приятнее рисковать жизнью ради невесты, чем просто ради едва знакомой девушки. Вы выйдете за меня замуж, лина Амелия?

Я едва не рассмеялась, приняв слова бессалийца за шутку. Но он продолжал смотреть на меня, ожидая ответа, и веселиться не спешил.

– Нет, – произнесла я тихо. – Я люблю другого мужчину. И вы это знаете. Зачем вам невеста, сердце которой принадлежит вашему брату, лин Гвидичи?

Аромат мяты от него не стал бледнее. Сильнейшим маг будто бы не услышал то, что я сказала.

– Вы не подходите друг другу. Я знаю Фредерико, ему нужна домашняя женщина. Заботливая, как мать, умершая так рано. Ему будет поперёк горла ваше желание переделать клан. Его дом, его крепость, то, к чему он привык. Зачем вам муж, не разделяющий ваших идеалов? И жених, неспособный решить ваши проблемы со старейшинами? Подумайте, лина Амелия. Моё предложение остаётся в силе.

Он поклонился, как было принято при королевском дворе Бессалии, и ушёл.

Разведчик Пруста, выслушав описание очередного объекта для слежки, только хмыкнул в ответ. Сокол разговаривал с ним через зеркало. И, судя по деревьям за спиной, Грант стоял где-то возле учебного полигона.

– Понял, лин Сокол, повешу ещё один маяк. Спасибо элезийцам, наделали они их в своё время изрядно.

– А ты различишь потом, какой где? – нахмурился лучший убийца клана.

– Да, Этан их доработал. Уж не знаю как, не спрашивайте. Я хоть в академии теорию магии и не прогуливал, но до взлома и перенастройки иномирных игрушек мне далеко.

Сокол улыбнулся, чувствуя гордость за клан.

Из разорённого логова оборотней-медведей много трофеев вынесли. В том числе кулоны-метки. Их носили женщины и дети, чтобы не потеряться в опасных лесах Проклятого острова. Плиний тратил драконью кровь, не жалея бесценный материал. Смешанная с соком дерева элезийской богини, она светилась ярким фиолетовым цветом, если смотреть на неё через особое стекло-артефакт. О свойствах кулонов узнали случайно. Весь “хлам” сгрузили в дом Этана, и его невеста-ведьма баловалась со стеклом. “Ой, а что там светится?” В итоге магическую начинку из кулонов достали и позже переделали в шпионские маяки для разведчиков.

– Несту я вручил охотничий нож с иномирным секретом в рукояти, – рассказывал Грант. – Ну как вручил, продал. Торговался ещё, не хотел уступать ценную вещь. Труп на такие ножи заказов больше не берёт, а те, что берёт, месяцами делает. Так что наживка вышла лакомая. Нажористая. А Малии тупо булавку к платью приколот. Головка там с элезийской начинкой маленькая, не должна почувствовать.

– Хорошо. И как их видно? – любопытствовал Сокол.

– А как обычно через стекло. Наводишь на здание и крошечный огонёк мерцает. Вся забота потом – найти в какой комнате. Очень удобно. Этан сделал так, что у маяков теперь разный цвет: фиолетовый, жёлтый, красный.

– Не служба, а сказка, – мечтательно улыбнулся лучший убийца. – Не нужно больше прятаться по пыльным и тёмным углам, ползать в грязи и торчать на крыше. Устроился уютно на собственной кровати, и через артефакт за всеми следишь.

– Ага, – разведчик выразительно обвёл взглядом густые кусты. – Всё так и есть. Хвала магическим достижениям! Кстати, о птичках. Малия не вылезает с кухни, посудой гремит. Утром две тарелки разбила, Сара её наказала генеральной уборкой вне графика. Всё как в академии у строгого инструктора. Два наряда вне очереди. Не удивлюсь, если дальняя родственница Гирона ночью будет картошку чистить. Артефактов у неё нет, разговоров помимо Сары ни с кем не ведёт. Нечего пока разматывать, лин Сокол. В кустах я сижу из-за Неста. Полчаса уже под деревом торчит и письмо кому-то сочиняет. Перехватить, как закончит?

Разочарование возможным предательством Неста уже удалось подавить. Осталась холодная сосредоточенность и желание выяснить правду. Никого не стоит осуждать без доказательств и наказывать заранее. Под описание Мисы он подходил, но под размывчатое “высокий, темноволосый, короткостриженный, сильный” подходило большинство воинов клана.

– Нет, я сам с ним поговорю. Где конкретно он стоит?

Грант развернул зеркало в листе так, чтобы фигуру охранника было видно. Нест действительно увлёкся письмом. Сгорбился, втянул голову в плечи и не двигался.

В следующие несколько мгновений Сокол колдовал, почти не задумываясь. Смахнул заклинание с зеркала, открыл порталную арку и повесил два защитных купола. Меч привычно оттягивал своей тяжестью ножны, кинжал прятался в голенище сапога. Но с Нестом и рукопашной схватки должно быть достаточно. Регулярно тренировались вместе, Сокол все его приёмы знал.

– Очередную зазнобу на свидание зовёшь? – вполголоса спросил он, выходя из портала в густую траву заброшенной поляны у полигона.

– Нет, думаю, как мать уговорить на переезд, – Нест мельком взглянул на него и начал складывать письмо. – Участок большой, она с хозяйством уже не справляется, а у меня комната в доме пустая и помощница приходит каждый день. Что случилось, командир? Почему через зеркало не позвал?

– Малия случилась, – Сокол на стал ходить вокруг да около. – Объясни мне, будь добр, почему ты снял защитные купола с её комнаты?

– А, – несостоявшийся лекарь ничуть не смутился. Сохранял железное спокойствие. Шапка на воре ну никак не загоралась. – Так Олаф попросил тут за ней присмотреть. Крепко дружил с её братом, беспокоится о ней и Лирсе. Уж слишком резко она сорвалась из дома. Записку написала и под половику сунула. “Живу теперь в посольской школе. Когда вернусь, не знаю”. Он и запаниковал. Я ему полвечера объяснял, что у нас тут никого насильно не держат и не пытаются. Плевать, что там сочиняют языкастые соседки. Тем лишь бы жути нагнать. “Детей на магические опыты забрали! Медведей из них будут делать, как иномирные захватчики. Не увидим больше своих кровиночек!” Чушь полная, как обычно.

– Понятно, – протянул Сокол. – Купола-то причём?

Вот теперь Нест напрягся по-настоящему. Командир задаёт глупые вопросы и дырку взглядом высверливает. Любому воину клана стало бы понятно, что он где-то крупно накосячил. И от ответов зависит суровость наказания. Глава охраны своим бойцам чуть ли не вдалбливал, что уж если их взяли за яйца, то врать уже поздно. С предателями, ворами, дезертирами и пьяницами никто не церемонился. Не понравится откровенность в разговоре с глазу на глаз – будет полноценный допрос.

– Так я ходил к Малии в первую ночь, как они с Лирсом переехали, – медленно и с расстановкой начал Нест. – На словах от Олафа передал, чтоб она писала если что. Записки от неё через общую почтовую шкатулку отправлял. Читал их, естественно, я наши порядки знаю. Обычный женский трёп, ничего подозрительного. В один из вечеров она меня пирогами угощать взялась. Из благодарности, что хлопочу за неё. Я отнекивался, но вы же знаете клановых хозяйшек. Проще сесть за стол, чем объяснить, что не голоден.

– И что было в ту ночь? – тщательно пряча надежду в голосе, спросил Сокол.

Если близость, то бездна с демонами Малии, а не свадьба. Но духи предков не баловали подарками.

– Да ничего, – осторожно ответил охранник, впившись в командира взглядом. – Хотя погоди, лин Сокол. Погоди, погоди, до меня, кажется, начинает доходить. Я так наелся, меня под бессалийское сливовое разморило, язык сам распустился. Спрашивала Малия, нет ли завидных женихов в школьном отряде. Как же нет, когда самый завидный командует нами. У неё аж глаза загорелись. А потом, как водится, “большой ли у него дом, есть ли жена, невеста”. Не было у тебя тогда никого. Мы все видели, что по дочке Витта сохнешь, но она же неприступнее ведьмы на допросе у инквизитора. Я подставил тебя, да? Малия прохода не даёт, в жёны набивается?

Складно получалось, объяснимо. И без нюхача очевидно, что эмоции соответствовали языку тела. Нест покаянно опустил взгляд и тут же поднял его с искренним раскаянием.

“Подставил, – мысленно ответил Сокол, – так подставил, что всё чуть катастрофой не закончилось”.

Да, теперь ясен выбор жениха. Жаль, что по-прежнему не понятно, почему Малия вообще кинулась со всей поспешностью устраивать себе помолвку по приговору Совета старейшин.

– А она не объясняла, зачем ей замуж?

– Нет, хихикала, что на будущее интересуется. Мало ли сколько здесь работать придётся. Вдруг до самого выпуска Лирса? Не вечно же ей в девках ходить, а порталы ставить не на что, дабы в клане кого-то себе искать. Командир, я ж не знал, что она такая привязчивая. Меня уже до белого каления довела постоянными просьбами. То ей тяжесть до кухни донеси, то записку передай, то у неё в спальне кто-то похозяйничал.

– В столицу она тебя не отправляла?

– Нет, – охранник энергично замотал головой. – Нет, я ж не дурак увольнительную на её просьбы тратить.

– Значит, она с Олафом там встречалась?

– Скорее всего.

Проверить было проще простого. Вызвать его через зеркало и Мисе показать. А потом крутить друга брата дальше. Похоже, только он знал, почему Малии приспичило срочно выйти замуж. Не будь это тайной, она бы и дальше с ним через Неста общалась. Не рисковала, отправляя воспитанницу ночью в столицу.

– Тогда всё пока, – ответил Сокол. – Дальше я сам разберусь.

Глава 9. Неприличное предложение

После того, как за Франко закрылась дверь, я впервые задумалась о том, что пора закупиться успокоительным зельем. Чай с ромашкой уже не помогал, а от мяты в сочетании с любыми травами меня мутило. Не с тем мужчиной он теперь ассоциировался.

“Вы не подходите друг другу”, – повисло в воздухе.

А кто мне подходит? Могущественный маг с атрофированной совестью? Сумасшедший, что готов использовать самые мерзкие способы для достижения цели. Да, амбициозность хорошая черта, но только не когда такой упорный и неуравновешенный человек решает добиться тебя любой ценой.

Самое страшное – старший Гвидичи и впрямь казался мне безумцем. Он читал мои мысли, слышал каждый их отголосок. Осознавал, что я люблю другого, но делал вид, будто мои чувства не имеют никакого значения. В чём удовольствие быть с женщиной, днём и ночью думающей о твоём брате?

– Проклятая мята, – я спрятала лицо в ладонях, словно Франко ещё стоял в кабинете и сверлил меня взглядом. – Она затуманила ему разум!

Влюблённость мешала магу думать здраво. Его не волновало, каково нам будет потом, если я соглашусь на столь лестное предложение.

“Никому не принёс бы такой союз счастья. Никому!”

Не верила я в то, что Франко безразлично, о ком я думала, когда он меня целовал. Все мужчины собственники. Что уж говорить о тех, кто влюблён настолько сильно?

– Сам же на стенку полезешь, – продолжила бормотать я, справляясь с эмоциями. – Соколу жизнь сломаешь, из меня всю душу вытрясешь.

“Вы не подходите друг другу”, – всё ещё звучало у меня в голове.

И нет, морок Франко на этот раз не наводил. Всего лишь подобрал нужные слова. Посеял зерно сомнений. Показал наглядно, что не собирается отступать. Если посчитает нужным, снова заколдует Сокола. Всё фитоллийское посольство и близлежащую деревню через его постель проведёт, чтобы боль убила мою любовь.

“Я не смогу простить его снова, – с ужасом осознала я. – Даже если разум Сокола опять поработят. Слишком тяжело переживать измену”.

И что делать? Сидеть ночами у двери спальни жениха, чтобы никто не смел потревожить его сон? Неплохая идея. Малии наверняка не понравится, что я подрабатываю охранником у нашего охранника. Скандал устроит. Если сильно повезёт, в драку бросится.

– Или побежит жаловаться Франко. А он придёт и “заморочит” голову мне.

Гениальный план развалился. Не было у нас сиюминутных решений. Малия заявит свои права на моего мужчину перед старейшинами, а бессалиец продолжит меня преследовать, несмотря ни на что.

“Интересно, если бы Сокол не сдержался в ту ночь? Если бы я стала женщиной ещё на нашем первом полноценном свидании... Это остановило бы Франко?”

Я убрала ладони от лица и замерла. Догадка была настолько сумасшедшей, что я не сомневалась в её справедливости.

– Мужчины ревнивы и тщеславны, – начала я рассуждать вслух. – Опороченные девушки не выходят замуж, потому что никто из поклонников не готов жениться на “испорченной”. Падшие женщины им не интересны.

Во времена правления Ксанира Делири многие мужчины пользовались этим. Похитят девушку, чьи родители выбрали ей жениха поприличнее, проведут с ней ночь, а утром возвращают домой.

“Вот, папенька, ваша дочка больше не невинна. Если возьмёт её выбранный кавалер после меня – совет да любовь. А если нет, то я с браслетом готов прийти”.

Конечно, рассерженный отец разобьёт лицо, братья рёбра пересчитают. Но редко кто из принципа отказывал такому бесчестному кандидату в мужья.

– А если и находились отчаянные, то жених шёл с повинной к старейшинам, – закончила мысль и поднялась на ноги. – Интересно, как повели бы себя старые пни, если бы воин опорочил сразу двух невест?

Я шла так быстро, что не замечала никого вокруг. Наплевать было, заметят ли директрису, спешащую к первому бабнику Фитоллии, вечером. Слухи теперь сыграли бы мне только на руку.

“Вот как чувствует себя шулер, доставший козырь из рукава”, – подумала я и постучала в дверь.

Сокол открыл почти мгновенно. Вскинул брови, с удивлением глядя на меня. А я смотрела на него. Лучший убийца Клана Смерти щеголял по спальне с голым торсом и в мягких тренировочных штанах. Руки и грудь, покрытые шрамами, напоминали о многочисленных битвах, из которых Сокол вышел победителем.

– Амелия?

– Да, – выдохнула я, скользя взглядом по литым мускулам жениха. Сколько часов он провёл на полигоне, чтобы теперь тело стало самым опасным оружием? И почему я его никогда не боялась?

Я потянула воздух носом и смущённо улыбнулась. Аромат жжённого сахара сейчас был как нельзя кстати. Соблазнять мужчин я не умела, но с Соколом это и не требовалось. Хватило пары взглядов, чтобы он начал терять контроль.

“И я тоже”, – призналась себе я мысленно и облизнула губы.

– Я хочу, чтобы ты сделал меня женщиной. Сегодня. Сейчас.

Глава 10. Шила

Её голос чуть дрогнул на слове “сейчас”. Во взгляде решимость сменилась паникой, а потом всё заволочло туманом. У Сокола в горле пересохло. Разум был готов отключиться и позволить ему взять самую желанную девушку, но где-то на границе сознания вспышкой прорезалось предупреждение.

“С тобой это уже было. Ты позволил себе забыться, а утром проснулся с другой. Хочешь попасть в ту же ловушку?”

Сокол ласково обнял невесту за плечи и выглянул в коридор, проверяя не идёт ли кто-нибудь мимо двери к лестнице.

– Твои желания для меня закон, но родная. Зайди хотя бы в спальню.

Она молча кивнула и послушно перешагнула порог его комнаты. Тихо выдохнула, когда дверь закрылась, и развернулась лицом к жениху.

– Я не шучу, – предупредила Амелия. – Хочу, чтобы это случилось сегодня.

Платье на ней было с короткими рукавами. Чуть прозрачная юбка на грани дозволенного моралью клана. Лёгкие сандалии, туго закрученные локоны и блеск перламутра на губах. Торжественность момента можно было сравнить только с объявлением победителей на празднике инициации, но один сильнейший маг с даром наводить морок заставлял Сокола сомневаться даже в себе. Что ей ответить? “Извини, мы договорились терпеть до свадьбы?” Звон пощёчины будет стоять на всё бывшее здание приюта. “Прости, я не готов. Пьян, болен заразной болезнью, ранен, устал, присмерти”. Или сказать правду?

– Если я снова под мороком, и ты мне привиделась, то завтра утром точно кого-нибудь убью.

– Я не морок, – смущённо улыбнулась она. – Убивать никого не придётся. Как доказать? На четырнадцатилетие мой папа подарил тебе кинжал с белой рукоятью. Я помогала выбирать. Магнус ещё ворчал, потому что наш кинжал тебе понравился больше, чем тот, что он заказал.

– Потому что я люблю белый цвет, – признался Сокол, пропуская сквозь пальцы шёлковый пояс её платья. – И твоё внимание мне дорого. Но поддаваться искушению слишком опасно. Давай подождём до нашей первой ночи. Клянусь, она будет особенной. Я украшу дом цветами, повешу гирлянды под пологом кровати. Я хочу любить тебя и называть женой, а не вздрагивать от каждого шороха за дверью.

Амелия отвела взгляд и прикусила губу. Даже мягкий отказ ударил по самолюбию?

– Если мы не сделаем это сегодня, то женой, возможно, тебе придётся называть Малию, – ответила она. – Я твоя невеста. На меня ты надел браслет при самом надёжном свидетеле – Ксанире Делири. Я тоже могу заявить своё право на свадьбу с тобой во время совета, если буду женщиной. И старейшины примут сторону законной невесты.

План Амелии был слишком безумен, чтобы поверить, будто он сам пришёл к ней в голову. Без подсказки. Раз уж одна обещанная девушка требует у совета свадьбу, то почему бы не появиться второй?

– Нет, – Сокол сжал её плечи и притянул к себе, чтобы обнять. – Не мешай своё имя с грязью, не позволяй никому с презрением кривиться тебе вслед. Я докажу, что Малия уже познала мужчину до той ночи. Тебе не нужны вопросы старейшин: “А как это было? Правда ли он тебя соблазнил или ты сама отдалась?” Подумай об отце, в конце концов. Каково ему будет выдержать такую пытку? А я как буду смотреть ему в глаза? Год ухаживал за его дочерью, чтобы потом жениться со скандалом!

– Папа поймёт, – заупрямилась Амелия. – Мне всё равно, что подумают старейшины. Если Малии помогает Франко, то доказать её обман будет почти невозможно. Или Шила

выдала тебе все тайны своей пациентки? Согласилась выступить на совете, подписала показания?

– Ещё нет, – поморщился Сокол. – Но благодаря Несту я знаю, кто мог передать зелье для Малии в столице. Осталось показать Мисе подозреваемого.

– Допустим, мы найдём того самого воина. Но как мы свяжем обезболивающее зелье и притворство посудомойки? “У неё сильные головные боли, я помог из сострадания”. Венца нет, чтобы проверить, лжёт сообщник или нет. Совету будет мало догадок. Нужны доказательства.

– Амелия, – с нажимом сказал убийца. – Порочить твою честь тоже не выход. Я не могу жениться на обеих. Совет будет выбирать, с кем объявить помолвку, а Малия – родственница Гирона. Бездна, да старик даже слушать тебя не станет! Припомнит и вызывающее поведение, и посольскую школу, которая всем двенадцати поперёк горла. Одумайся, прошу тебя.

– Начинаю думать, что ты и сам не против жениться на Малии, – вполголоса заметила она. – Ладно, сделаем по-твоему. Не буду больше отнимать у тебя время.

Амелия выскользнула из его объятий и ушла, гордо хлопнув дверью.

– Проклятье, – застонал Сокол. – Вот и живи после такого благородства, как хочешь.

Конечно, она обиделась. Одни боги знают, чего ей стоило решиться. Прийти самой после всего, что было с Малией, а он её старейшинами пугал. Идиот.

– Можешь ржать, Франко. Соперник отступает с поля боя без единого взмаха меча. Деморализация во всей красе. Страх, чтоб мне пусто было!

Руки ещё не зажили после ударов кулаками об стену, а ему снова хотелось всё разнести. Брат всегда был на шаг впереди. Опутал школу сетью шпионов, манипулировал людьми, навёл мороки и медленно сводил его с ума. Слабое место? Пока Сокол будет его искать, может потерять всё.

Он может потерять Амелию.

“Нужно извиниться, – стучало в голове, – объяснить всё ещё раз”.

Но как?

Щёки горели так, словно я перед всем кланом Соколу предложила переспать, а не наедине. Нос до сих пор щекотал аромат жжёного сахара, но похоть первого бабника Фитоллии дала сбой единственный раз, когда я на неё понадеялась. Отказ больно ударил. Я стала рассматривать платье, приглаживать волосы. Да, не ведьма из иллюстрации к “манифесту”, но раньше для головокружительных поцелуев мои наряды на становились преградой.

Может, Франко прав? Сокол пообщался с Малией поближе и понял, что ему нужна такая жена. Домашняя, хозяйственная. Та, что будет стирать пелёнки и готовить баранину на ужин. А я книгу рецептов-то открывала пару раз в жизни.

“Не позволяй никому с презрением кривиться тебе вслед”, – мысленно передразнила я.

А мне ли? Что, легендарному Соколу, лучшему убийце Клана Смерти, стыдно жениться на той, про кого будут говорить “падшая”? Может, и Малия его не устраивает только поэтому? Сейчас найдёт доказательства её обмана, а потом пойдёт свататься к такой же. Лишь бы репутация была чистой...

– Старейшин испугался, – продолжила бормотать я уже вслух, громко цокая каблучками. Закрыться хотелось в кабинете от удушающих стыда и обиды. – Я своё имя не побоялась подмочить слухами, а он...

Колючие чувства ворочались в груди, требовали выхода. Вернуться к Соколу и высказать ему всё в лицо.

“Что именно? – уточнил внутренний голос. – Ах ты, сволочь этакая, не захотел позорить невесту! Как тебя земля носит после того, как ты держишь слово, которое мне дал? Сама просила, чтобы всё по традициям. Помолвка, через полгода свадьба. И никакой близости”.

Да вот от ночи с Малией обещание Сокола не спасло. Благородство включилось только сейчас. Об отце он моём думал. А обо мне? Обо мне подумать не мог? Если он на своей посудомойке женится, я что делать буду? За Франко замуж выйду? Или до конца своих дней останусь одна, чтобы с завистью наблюдать, как другая женщина рождает детей моему мужчине?

“Пожри тебя бездна, Малия, вместе с бараниной, приготовленной сорока разными способами!”

Я с удовольствием хлопнула дверью кабинета и без сил опустилась в кресло. Закрыла лицо руками.

Под слоями злости, обиды и стыда сидел противный страх. Прятался среди других чувств, но отравлял мой разум.

Я боялась, что потеряю Сокола. А ему будто было всё равно. Разговоры с Шилой и Нестом почти ничего не дали: доказательств обмана Малии у нас не появилось. За фальшивой невестой лучшего убийцы стоял Франко с его безграничным даром. Шансов переиграть человека, читающего мысли, до ужаса мало.

– От единственного решения отмахнулся, Ричи. Как от мухи назойливой.

И что теперь делать? Не идти же его соблазнять насильно. Да и как бы я это сделала? Привязать и пытать, пока не согласится? Или сбежать к Шиле за специальным зельем, чтобы жених голову от страсти потерял?

Я представила, как пытаюсь опоить Сокола, и усмехнулась. Заставить воина Клана Смерти делать что-то, чего он не хочет, может только старший по званию. Надо тогда Кеннету Делири написать. Пусть заставит подчинённого провести со мной ночь. А я от премии откажусь. На год.

“Лина Хельда будет в восторге, столько бюджетных денег можно сэкономить!”

Я уже мысленно составляла шутивное письмо главе, требуя повлиять на бабника, переставшего быть бабником, но от сеанса смехотерапии отвлек стук в дверь.

– Войдите, – без энтузиазма разрешила я. По закону подлости, прийти должен был Франко или Малия. Вот кого мне видеть точно не хотелось. – Лина Шила? Тёмных ночей.

– Темнейших, – поздоровалась она. – Я вас не слишком отвлекаю?

“О, даже не представляете насколько. Мешаете мне сходиться с ума!”

– Нет, что вы? Присаживайтесь. Что-то с Дамирой?

– Слава Лилит, с дочкой всё хорошо, – она села и разгладила складки на необычно длинной для ведьм юбке. – Чем не могу похвастаться я сама. Можно я не буду тратить ваше время на разговоры о погоде, а перейду сразу к делу?

– Меня пугает ваша серьёзность, – насторожилась я. Уж не из-за разговора с Соколом Шила так нервничала? Я не спрашивала его о подробностях и теперь корила себя за излишнюю эмоциональность. – Но я не люблю неуместный официоз, так что буду рада, если мы начнём с сути.

– Ничего нового я вам не расскажу, – слегка замялась она и тут же продолжила: – Аптеку всё-таки придётся ликвидировать. Я потратилась на ингредиенты, наварила зелий, срок их годности уже кончается, а покупателей нет. Двери посольства по-прежнему закрыты для посетителей. Никого не пускают, кроме дипломатов и членов их семей. Я практически разорена. Кредиторы скоро угрожать начнут. Мне даже продать нечего, представляете? Всё вложила в новое дело. Дом продала, мебель, драгоценности. Ютимся с Дамирой в арендованной комнате, а скоро и оттуда выставят.

В воздухе расцвели ароматы корицы и аммиака. Разочарование вперемешку со страхом. Я и сама напивалась эмоциями ведьмы. Тяжело полностью отдаться делу, которое вот-вот разрушится. Как бы я себя чувствовала, если бы завтра Верховная объявила, что школа закрывается?

– Мне очень жаль, – искренне заметила я. – Но я не понимаю, чем могу вам помочь. Предоставить Дамире комнату наравне с сиротами?

– Если это возможно, – Шила опустила голову ниже, вжимая её в плечи. Тяжело давались просьбы о помощи гордой фитоллийке. – Крыша над головой и работа не мешали бы и мне. Я знаю, что школа уже работает, но свободные руки ведь всегда нужны. Я готова мыть посуду или полы, чистить картошку, помогать с малышами. Любая работа сгодится.

Я задумалась. Нет, третью посудомойку брать было неразумно. У нового министра иностранных дел возникнут вопросы по поводу целесообразности такого расходования средств. Но работники мне всё ещё были нужны.

– У меня штат учителей не укомплектован, – призналась я после небольшой заминки. – Зельеварение как раз некому преподавать. Но я не уверена, что размер нашего жалования вас устроит.

– Устроит, – поспешила заверить меня ведьма. – Кров, еда, учёба для дочери и возможность заниматься любимым делом – лучшая зарплата. А если перепадёт пара золотых на погашение долгов – вообще, сказка.

– Отговаривать я вас точно не стану, – я улыбнулась. Вот это удача! Учитель сам пришёл ко мне. Несмотря на мизерную зарплату, рвался в бой изо всех сил. – Но могу выкупить материалы с хорошим сроком годности.

– Мне вас Лилит послала, – расцвела благодарной улыбкой Шила. Потом замерла, будто вспомнила что-то, и нахмурилась. Запах корицы перерос в аромат шоколада. Ведьма продолжала ломать стереотипы. Я без труда различала стыд среди букета других эмоций той, у кого вовсе не должно быть совести. – Я хочу вам признаться в не самом лучшем поступке... Мало кто знает, но помимо аптекарской лицензии, я получила и разрешение на врачевание. Тем удивительнее, что на меня вышел человек, предложивший заработать крупную сумму денег.

Раньше я ни за что не согласилась бы на подобную авантюру, но в моём нынешнем положении...

– Вы сделали что-то противозаконное? – перебила я свою будущую работницу.

– Нет, – она замотала головой. – На территории Фитоллии точно нет, насчёт вашего клана не уверена. Тут затронут скорее моральный аспект. Я помогла девушке в одном щекотливом вопросе.

– Не томите же, – попросила я и подалась вперёд. Разве что грудью на стол не легла. – Что вы сделали? Это связано с Малией?

– Да, – Шила выдохнула и зажмурилась. – Её друг нашёл меня через общего знакомого. Сказал, что несчастная девушка попала в беду. Теперь у неё нет шансов выйти замуж в клане. Спросил, правдивы ли слухи о моём мастерстве в женском целительстве. Я отнекивалась, как могла. Потом он озвучил сумму, и я не сдержалась.

– Святые предки, скажите вы уже!

– Я сделала ей операцию, – выдохнула Шила. – Вернула Малии невинность.

Эффекта “гром среди ясного неба” не случилось. Я надеялась, что услышу именно это. Но невидимая тяжесть с плеч свалилась с диким грохотом.

Предки слышали мои молитвы и решили помочь, подтолкнув аптекаршу к откровениям.

– Почему вы решили рассказать?

– Вообще, я не привыкла раскрывать тайны своих пациентов, – призналась она. – Но вы уже проявляли интерес к теме возвращения невинности. Да и командир охраны заглядывал с беседой, похожей на допрос, а он известен своей дотошностью. Всё равно докопается до сути. Мне не хотелось начинать наше сотрудничество с расследования Сокола. Поэтому я раскрыла карты сама.

История звучала складно, но я не спешила отпускать ведьму собирать вещи для переезда в учительское общежитие.

– Что именно рассказала вам Малия? – уточнила я. – Для кого она восстанавливала невинность?

– Нет, такие подробности я не выпрашивала, – Шила посмотрела на меня из-под ресниц. – Я догадалась позже. В охране не так много холостых мужчин, что окупили бы стоимость операции. Лин Сокол стал разнюхивать про Олафа, и я удостоверилась, что жертвой Малия выбрала его. Я её понимаю, но решение всё равно неразумное. Нужно было брать кого поглубже.

– Такого, чтобы не заметил, чьего ребёнка воспитывает? – снова закинула я удочку.

Шила нахмурилась.

– Когда ваша работница приходила ко мне, она не была беременна, – уверенно заметила аптекарша. – Я проверила, потому как операция могла бы навредить малышу. Магическое вмешательство в таких случаях недопустимо. Вы уверены, что она понесла не от командира охраны?

– Я просто предположила, – отмахнулась я от беспокойства ведьмы, потянула воздух носом и уловила аромат аммиака. Напугала я Шилу своим предположением. Видимо, операция и впрямь опасна для ребёнка. – Просто не понимаю, почему Малия решила обратиться к вашим услугам именно сейчас.

– Влюбилась? – нервно усмехнулась моя собеседница. – Лин Сокол из тех мужчин, что умеют кружить головы.

Я даже не думала спорить. Сама попала под его чары и видела десятки таких же девушек. Одна улыбка голубоглазого красавца – и любая бросится искать способ его женить на себе. Удивительно, что Малия – первая, кому удалось подобраться к цели так близко.

“Вторая, – напомнил внутренний голос. – Первой браслет надела ты”.

Главное – остаться последней.

– Хорошо, – я постучала пальцами по столешнице, выдавая своё волнение. – Вернее, плохо, учитывая, чем обернулась ваша работа. У вас устаревшая информация. Лин Сокол не был свободен, когда Малия оказалась в его постели. На празднике по случаю начала учебного года он сделал мне предложение. И я ответила согласием, лина Шила.

Ведьма выругалась так, как никогда Трур не ругался в кузнице. Я даже восхитилась игрой слов и усомнилась, возможно ли осуществить её пожелания. Чисто анатомически.

– Да-да, мне тоже было неприятно, когда Малия решила обратиться в совет, дабы увести у меня жениха.

Голос против воли звучал холодно и звонко. Перед глазами встало то чудовищное утро.

– Простите меня, лина Амелия, – Шила источала запах шоколада. Она даже покраснела от стыда. – Если бы я знала, ни за какие деньги не согласилась бы разрушить ваши отношения. Ох, Лилит, меня развели как девчонку!

Я не стала говорить, что Малия не знала о помолвке. Побоялась спугнуть нужное мне настроение аптекарши.

– У вас есть шанс помочь мне их спасти, – я впилась взглядом в ведьму. – Совет не принудит Сокола жениться на женщине, которая не была невинна на самом деле. Если вы повторите всё, что сказали мне. при старейшинах, то я ещё смогу выйти замуж за любимого мужчину.

Взгляд Шилы остекленел на пару мгновений, а потом она замотала головой так, что чёрные волосы разметались по плечам.

– Я не могу. Если раскрою тайну пациента, лишусь лицензии лекаря, а моя репутация будет растоптана. Даже зелья никто заказывать не станет.

– Тогда хорошо, что новой начальнице наплевать на вашу дурную репутацию, – я старалась говорить спокойно, но хотелось кричать. – Вы сами говорили, что целительством занимаетесь редко. Потеряете лицензию – демоны с ней. Она вам даже не нужна. А я могу потерять любимого. Из-за вас.

Наружу рвались слова мерзкого шантажа и угрозы. Надавить на Шилу было бы эффективно.

“Вы уже раскрыли тайну пациента, я могу доложить куда следует. Но тогда работать вместе мы уже не сможем, вы понимаете”.

Однако я прикусила язык. Сама мысль о том, чтобы давить на больное место человеку, открывшему передо мной душу, казалась кощунственной. Я не хотела прибегать к таким отвратительным методам. Даже ради Сокола.

“Лучше выйти замуж за вдовца?” – снова вмешался внутренний голос.

– Мне нужен оклад в два раза выше, – опустила глаза Шила. – Если я пожертвую репутацией, то буду привязана к школе. Не смогу зарабатывать на стороне или через пару лет устроиться в аптеку другой ведьмы.

– Полторы ставки, – ответила я. – Возьмёте кружок по основам целительства.

Торговаться не хотела. Будь моя воля, назначила бы аптекарше тройной оклад, лишь бы получить её показания. Но бюджет школы не резиновый. Каждая статья расходов должна быть объяснена в отчётах. Моих же сбережений на ежемесячные выплаты не хватит.

– Хорошо, – ведьма кивнула. – Я согласна.

– Отлично, – радость мне удалось скрыть. Я даже представила, как облако аромата сжигается обратно, так и не раскрывшись. – Тогда обратитесь к лине Иллае, пожалуйста, она выделит вам комнату в общежитии для учителей. И я должна предупредить, что занятия уже идут, ваш урок в расписании стоит завтра. Успеете подготовиться?

– Нет, но я помню, как меня учили в академии ведьм, – улыбка Шилы добавила в букет эмоций злорадство. – На то, чтобы представиться ученикам и кратко описать программу курса

уйдёт половина занятия. А потом можно устроить проверку остаточных знаний. Должна же я понимать, на каком уровне готовы девушки.

– И юноши тоже, – добавила я. – В нашей школе различий в программе для мальчиков и девочек нет.

– Ах, да, припоминаю. Дамира рассказывала, как строгий лин Ксанир заставил её бегать наравне со всеми. Дочери понравилось. И у меня последний вопрос, если позволите. В общезжитии я буду жить по соседству с Малией? Даже после того, как дам показания на Совете?

Я ждала аромата корицы или аммиака, но ведьма продолжала благоухать геранью. Сплошное злорадство, надо же. Она боялась Сокола, но на реакцию Малии, чьи планы на свадьбу полетят в бездну, ей было совершенно наплевать. Не считала посудомойку серьёзной соперницей? Предвкушала, как будет каждый день созерцать её бессильную злобу? Воистину, коварство ведьм не знало границ.

– Не могу пока ответить на вопрос, лина Шила. Есть множество причин держать Малию на её должности, и решения совета тут совершенно непричём.

На мгновение запах герани перебила земляника сочувствия. Ведьма вздохнула, поправила оборки на рукавах платья и встала.

– Что ж, тогда я отправлюсь решать вопрос с лавкой и готовиться к переезду. Благодарю за помощь, лина Амелия.

“И ещё, – говорил её взгляд. – Я не уйду, пока не спрошу”.

– Вы можете и впредь быть со мной откровенны. Я же чувствую, вас что-то гложет.

– Да, – неуверенно призналась она. – Внимание лина Сокола. Возможно ли сделать так, чтобы его было поменьше? Я согласилась пойти на Совет, но до него моя репутация мне ещё пригодится. Ведь если он продолжит копать...

– Я поняла, – ободрила я её. – Предупрежу начальника охраны, что вопрос с Малией решён.

Вот теперь гигантское облако радости смело всё на своём пути. Ведьма с восторгом девочки, получившей на день рождения подарок мечты, попрощалась и ушла из кабинета.

Глава 11. Зелье Бояны

Я успела составить приказ о принятии Шилы на работу, ответить на пару писем с отказами от потенциальных учителей. Бездна с ними, зельеварение будет, а с артефакторикой я позже разберусь. В конце концов первые занятия могу провести сама. Азы знаю, а чему-то более сложному дети научатся позже.

"Если найду хорошего специалиста", – подумала я.

В клане артефактами занимался только Этан, остальное мы закупали у ведьм и случайных торговцев. Было несколько старых теоретиков, но и они воротили нос от работы в школе. Будто не детей учить их звала, а в навозной куче искать медяк.

– Ничего-ничего, – бормотала я под нос, взглядом прожигая полное ехидства письмо от очередного мудрого старца. – Воспитаю поколение собственных артефакторов для клана, и посмотрим, как запоют воины. Сами только амулет от похмелья способны сделать, а туда же. Высокомерные засранцы. А я найду такого учителя, что вы все там поумираете от разрыва сердца, ясно?

Я потянулась за чистым листом бумаги, чтобы написать клановому магу. Невероятная наглость, конечно, просить его поделиться опытом с парой десятков детей, когда по традиции в ученики он должен взять лишь одного. Но что делать? Вариант лучше придумать сложно.

В дверь постучали, а потом открыли её потоком воздуха.

– Прошу прощения, что врываюсь, но сундучок тяжелее, чем я думала, – натужно выдала Бояна, быстрым шагом подходя к моему рабочему месту. Деревянный ящик с глухим стуком опустился на стол. Что-то звякнуло внутри. – У-у-ух! В следующий раз соглашусь на помощь ваших охранников. Тёмных ночей, лина Амелия!

– Темнейших, – неуверенно ответила я. – Слевитировать же можно было.

– Я полночи заговаривала зелья, – поморщилась ведьма. – Сил ровно на два расширенных диагноста осталось. До начала эксперимента и после того, как лин Сокол выпьет мой "омут памяти". Над названием ещё работаю.

– Так вы приехали экспериментировать?

– Ну не поступать же в школу, – дочь Верховной улыбнулась. – Нужно было сначала вестника прислать?

– Нет-нет, всё в порядке, – я отодвинула сундук в сторону, чтобы не загоразживал гостью. – Я сейчас распоряжусь, чтобы главе охраны передали приглашение в мой кабинет. Тащить вашу ношу в учительское общежитие не слишком удобно.

"Можно случайно встретить Франко и остаться без драгоценного запаса", – добавила я мысленно.

– О, я уже попросила дежурного с ним связаться, – она плюхнулась на стул и поправила бантик на лифе платья. – Лина Амелия, а правду говорят, что ваша посудомойка Сокола приворотным зельем опоила, чтобы окольцевать?

"Значит, слухи уже поползли".

– Обраслетить, – фыркнула я. – Понятия не имею. Совет разберётся.

– Знаю я, как они разбираются, – Бояна разве что не сплюнула. – Сборище ископаемых окаменелостей.

На душе стало тепло. Не только я ругала наших старейшин за устаревшие взгляды.

– Уже успели достать?

– Не то слово, – дочь Верховной тряхнула головой, откидывая тёмные волосы от лица. – Везде нос сунут. "Неприлично так тянуть, пора играть свадьбу". Какая свадьба, когда во дворце чуть ли не военное положение? Тётя Веда в тюрьме, мама землю носом роет в поисках заговора.

Даже Велена умом тронулась. Везде ей дикие мерещатся. Представляете, что учудила? Круг начала собирать. Какой круг в четырнадцать?

– Возможно, это имеет смысл, – дипломатично заметила я. – Если дикие добрались до лины Веданы, то наследнице придётся очень быстро повзрослеть.

– Наследницы Верховной рождаются взрослыми и до Пекла ответственными, – холодно ответила она. – Велена вместо детских сказок изучала сборники предсказаний. Все в куклы играли, а она перебирала костяшки “драконов”. Если сейчас соберёт круг, то потеряет не только детство, но и юношество.

Негодовала старшая сестра. Беспокоилась о младшей, а высказаться было некому. Не с женихом же обсуждать несправедливость в воспитании дочерей монарших особ? Зато я была благодарным слушателем. И эмоции Бояны чувствовала даже лучше, чем она думала. Запах чёрного перца смешался с перезрелым гранатом и сливой. Злость и моральная боль.

– Круг защитит лину Велену, – напомнила я об основной функции ведьминских команд. – Разве нет?

– Министра иностранных дел не защитил, – невеста Этана поджала губы. – Институт кругов устарел так же, как и совет старейшин. Я счастлива, что сумела защитить себя от слияния с двумя едва знакомыми ведьмами. Вы не представляете, какво жить, когда в твою голову в любой момент может кто-то залезть.

“Представляю, – возразила мысленно, – ходит тут один маг с глазами как у Сокола”.

– Вы правы, – признала я вслух. – Мне жаль, что у вашей сестры избежать участия в круге не получится.

– Дурочка безголовая, – выдохнула Бояна.

Настроение ведьмы менялось, будто рисунок в калейдоскопе. В облаке чёрного перца появились нотки мёда и ванили. Гордость и нежность.

Я не могла понять, к чему относятся новые эмоции. Видимо, дочь Верховной транслировала их, вспоминая что-то. Потому как “дурочка безголовая” совсем не вязалось с гордостью.

“А во дворце беспокойно, – акцентировал внимание на главном внутреннем голос. – Не зря в посольстве такой бардак”.

Лишь бы политические игры не отразились на жизни клана и школы. Как по мне, что дикие у руля, что Стана с её кругом – без разницы. Ведьмы и в Бездне ведьмы.

Снова раздался стук в дверь.

– Войдите, лин Сокол, – разрешила я, выпрямляя спину.

Волосы заправила за уши и поправила платье под понимающим взглядом Бояны. Наплевать, если догадалась. Даже после ссоры мне хотелось выглядеть хорошо для него.

– Вызывали, лина Амелия?

От официального обращения сводило зубы, но как ещё подходить к обиженной женщине? Хвала предкам, директриса не стояла с огненным шаром в ладони, готовая бросить его в голову жениху. Всего лишь привела в школу ведьму.

– Да, – она подняла подбородок выше. – Закройте, пожалуйста, дверь. И нам понадобится защита от любопытных детей и учителей.

– Плохие новости из клана? – Сокол защёлкал пальцами. Купола вешал, практически не глядя на плетение и не вспоминая слова заклинаний. – Или из Фитоллии? Тёмных ночей, Бояна.

– Темнейших, дядя Сокол – тепло улыбнулась ведьма.

Нет, не намекала, что первый бабник клана ей в отцы годился. Вспомнила, как к нему обращались дети сиделок в лазарете. После ловушки в Трезде он там месяц провёл, а невеста Этана чуть не стала ещё одной сиделкой. Самой внимательной, кстати, и самой говорливой. Все уши ему прожужжала последними достижениями научного зельеварения.

– Новости хорошие, – ответила Амелия. – Не только из клана, но и из фитолийского посольства. По крайней мере, я надеюсь, что вы сочтете обе новости хорошими.

Она потянулась к деревянному сундучку на столе и открыла крышку, демонстрируя ячейки, заполненные склянками с зеленоватой жидкостью.

– Вот так без прелюдий, да? – усмехнулся Сокол. – Очередной безумный эксперимент над моим бранным телом? Нет, я не против, честно. После машины Джамиса Кайлиссена микстуры и притирания выглядят безобидно. Ни тебе кровавых операций, ни трубок, торчащих из груди. Уютные скляночки, как в аптеке. По сколько капель принимать? До еды или после?

– Не спешите, – попросила Бояна. – Сначала мне нужно вас осмотреть. Проверить, не находитесь ли вы под воздействием других зелий прямо сейчас. Потом я расскажу, как принимать лекарство, а первый глоток сделаете при мне, чтобы я удостоверилась в его положительном действии. Можете считать меня безумной экспериментаторшей, но я в первую очередь думаю о безопасности своих подопытных.

Она сняла с шеи прозрачный камень на цепочке и подошла к нему.

– Я не мешаю? – тихо уточнила Амелия.

– Нет, это несложно, – успокоила её Бояна, качая артефактом. Камень остался прозрачным. – Чисто. Конфликта снадобий быть не должно. Аллергия на какие-нибудь травы есть?

Ведьма повесила амулет обратно на шею и положила ладонь на лоб Сокола.

– Я чешусь от полыни, – признался лучший убийца. – И от крапивы долго волдыри не проходят.

– Угу, их в рецепте нет, вы здоровы, резерв почти полный. И нам нужна хоть какая-то точка привязки. Я понимаю, что память вам стёрли магическим образом, но не бывает так, чтобы совсем ничего не осталось. Не всё хранится в разуме, многое оседает прямо в теле. Особенно чувства. Доротеея лежала почти мёртвая, но любила брата и тянулась к сыну. Её взгляд менялся, когда она слышала Данта.

Бояна теребила концы верёвки, затянутой вокруг горлышка зелья. Волновалась дочь Верховной, щёки пылали. С Доротееей получилось, но не факт, что получится с ним. С сестрой Данта не работал Франко.

– Я помню только песню и капли дождя на окне. Когда говорил с братом, ничего не чувствовал. Словно чужой мне человек. И теперь я не уверен, что это воспоминание. Вдруг очередной морок?

Амелия качнулась к нему, сморщив нос.

“Ах, да, нюхач”, – мелькнуло в мыслях и пропало.

Боль крутила узел в груди, мешая думать о чём-то другом. Циничности Франко хватило бы на ложную память. Но, бездна! Двадцать лет песня “Дождик, дождик” была единственной ниточкой к родителям. К тому, кто он есть на самом деле. К тайне его рождения. Если это неправда...

– Песни достаточно, – заверила Бояна. – Держитесь за неё, как за якорь. Я думаю, разматываться начнёт оттуда. Морок не держится так долго. Поверьте, там точно что-то есть.

“Лишь бы не самый ужасный кошмар. Не зря дар Пруста вытаскивал песню из сознания”.

Сокола затрясло. Не сильно, но очень неприятно.

– Давайте зелье, – потребовал он. – Бессмысленно гадать. Выпью, и посмотрим, что будет.

– Один глоток, – напомнила Бояна, передавая пузырёк. – Не слишком крупный. Словно дегустируете очередную бутылку красного фитолийского.

– Сомневаюсь, что вкус будет похож, – Сокол вынул пробку и замер. Понял, что оттягивает момент, забалтывает себя и девушек, но не мог остановиться. – По запаху больше похоже на пойло дриад. Тёмные ещё наловчились гнать горячительное из мясистых стволов пустынных растений. Какое счастье, что наши лекари не переняли их искусство. Пить жидкость из бутылки, где плавают жабы, ящерицы и скорпионы – отдельный вид пытки.

– Змеиный яд в небольших дозах полезен, – нервно улыбнулась Бояна. – Пейте уже лин Сокол, я и так на грани обморока, а мне ещё за эффектом следить.

Амелия стала белее своего платья. Воздух в кабинете искрил от спонтанных выбросов энергии. Три не самых слабых мага отчаянно пытались совладать с собой.

– Дождик, дождик, уходи, – запел Сокол, – ждём тебя в другие дни. Франко хочет погулять, ты приди потом опять.

Зелье обожгло язык и покатило в горло. Желудок дёрнуло спазмом, но было уже поздно. То, что спасло Доротею, взялось за разум лучшего убийцы Клана Смерти.

Время шло. От напряжения стала болеть спина и затекли ноги.

– Ничего не чувствую, – сказал Сокол. – И по-прежнему не помню. Вы не перепутали зелье?

– Мгновенного эффекта никто и не ждал, – смутилась ведьма, забирая пузырёк. – Дайте себе время. Может, во сне что-то присниться. Дядя Сокол?

Комната поплыла перед глазами, будто он выпил всё вино мира. Тело, никогда прежде не подводившее, отказалось слушаться хозяина. Всё, что он смог сделать – посмотреть, куда падает. Ноги подломились в коленях, и лучший убийца рухнул на пол.

Глава 12. Больной

Я бросилась к Соколу, не успев даже подумать, что пошло не так. Он просто сделал глоток, и силы у лучшего убийцы мгновенно пропали. Голубые глаза заволокло мутной пеленой, жилка на шее билась слишком быстро.

– Сокол, – я обняла его лицо ладонями, опустившись на колени. – Сокол! Что с тобой? Что с ним?

Я обернулась к Бояне, чтобы потребовать всё исправить, но она уже и так водила над ним руками.

– Я не знаю, – тихо ответила ведьма, не открывая глаз. – Он в сознании, тело всё ещё в порядке. Пекло! Дядя Нэт меня за своего командира лично придушит.

– Глава до тебя не успеет добраться, – предупредила я дочь Верховной и снова посмотрела на жениха. – Сокол, ты меня слышишь? Может, воды? Хочешь пить? Ну скажи что-нибудь, пожалуйста!

– Не суетитесь, – ответил он так медленно и так тихо, что мы едва расслышали. – Встану. Сейчас.

Я не поверила, что он сможет, поэтому нырнула под руку. До чего же тяжёлый у меня жених, бездна!

– Нет-нет, – бормотал он, пытаясь вытолкнуть себя вверх. – Я сам.

– Заклинание левитации, – испуганно мышкой пискнула Бояна. – И на кровать.

– Он же не груз! Живые сами должны читать левитацию. Сокол!

Он всё-таки встал и даже шагнул вперёд, но я физически чувствовала, как ему тяжело. Движения медленнее, чем в болоте. Руками Сокол постоянно искал, за что бы схватиться. Спинка стула, крышка стола.

– Ой, за вазу не нужно! – простонала Бояна.

Аромат паники от дочери Верховной висел удушливым облаком. Масло, разогретое настолько, что скоро вспыхнет.

– Да, возьми уже себя в руки! – холодно приказала я. – Он жив!

Страшный сон любого целителя. Лекарство стало ядом для пациента. Я понимала, от чего трясло ведьму, но успокаивать её не было ни сил, ни возможности. Сокол снова начал оседать на пол.

– Пекло, – выругалась Бояна, ныряя ему под вторую руку. – Дядя Сокол, не корчи из себя героя. Обопрись на нас. Лина Амелия, куда ведём?

– В шкаф, – уверенно ответила я. – центральный книжный. Там фальшивая дверь в спальню.

На большее воздуха в лёгких не хватило. Мы держали Сокола, спасая его от падения. Даже вдвоём сил не хватало. Каждый шаг жениха обходится нам слишком дорого. В спальне он снова рухнул на пол, но кровать уже была близко.

– Сам, – упрямо прорычал он, забираясь на высокий борт, как на скалу.

Уткнулся лицом в подушку и замер.

– У Доротеи была такая же реакция? – вполголоса спросила я у Бояны.

Она замотала головой.

– Доротея в самом начале в принципе не могла ни ходить, ни говорить. Если подобная реакция и была, отследить её не получилось бы. Заклинание-диагност показывает, что всё хорошо.

Я принялась, пытаясь уловить боль или страх. Но даже привычной ярости среди эмоций не было. Либо наша с Бояной паника перекрывала другие запахи, либо зелье не сработало.

– И что мы будем делать?

– Наблюдать, – не слишком уверенно ответила ведьма. – Физически Сокол здоров, а в ментальной магии я смыслю мало.

“Тогда зачем полезла в неё?” – хотела спросить я.

Винить Бояну было легче, чем думать, что это я предложила вылечить лучшего убийцу клана сомнительным зельем. Если он станет таким же, как Доротея, ответственность за его болезнь будет на мне.

– Тогда пусть останется в моей спальне, – я стянула с Сокола ботинки и отошла в сторону. Что делать дальше? Отец никогда не напивался до беспамьятства, я понятия не имела, как вести себя в похожих ситуациях. – Нести его в общежитие через всю школу и двор слишком опасно.

– Как скажете, – не стала спорить она. – Мне нужно посоветоваться с Этаном. Возможно, он разберётся, что случилось. Если Соколу станет хуже, не медлите ни секунды. Пусть кто-нибудь из воинов передаст сообщение через зеркало. Мы сразу откроем портал.

Бояна ещё раз проверила пациента, записала что-то в блокнот, строго настрого запретила заниматься самолечением, а потом ушла, оставив нас одних.

– В камзоле лежать, наверное, неудобно? – спросила, глядя на жениха.

Сердце кровью обливалось смотреть на него в таком состоянии. Ни жив, ни мёртв. Бледный, пустой. Где ехидная улыбка? Где хитрый прищур голубых глаз? Пусть лучше язвит направо и налево, чем молчит, уткнувшись в подушку.

Я присела на край кровати и попыталась перевернуть Сокола на спину, чтобы расстегнуть пуговицы чёрной клановой формы.

– На диету тебя посадить бы, – кряхтела, пока боролась с мужским телом.

– Мне нельзя, – проворчал он. – Мышцы потеряю. Силу. Прости, Амелия, я что-то совсем устал.

– Ничего, всё хорошо, – я украдкой выдохнула. Если говорит, значит, жив. – Сейчас я тебя нормально уложу. Поможешь? Надо приподняться, чтобы рубашку снять.

– Какая забота, – слабым голосом ответил жених и перевернулся. От такого простого движения весь взмок. – Стоило раньше выпить зелье Бояны, чтобы её почувствовать. Я прощён за твой прошлый визит в мою спальню?

– О чём ты думаешь? – я закатила глаза. Обида отошла на десятый план из-за страха за него. – Лучше скажи, как ты себя чувствуешь? Ничего не болит? Только усталость?

– Да, – ответил он, помогая мне выпутывать свои руки из рукавов. Почему клановые мастерицы шьют такие узкие рубашки? Ткань проще разрезать, чем снять. – Ещё я плохо сообщаю. И спать хочу. Неприлично, наверное, оставаться у тебя...

– Не дай предки, старейшины узнают, – шутливо возмутилась я. – Тогда на Совете тебе точно не избежать самого сурового приговора. Выдыхайте, лин Сокол. Потайная комната на то и потайная, чтобы спокойно в ней прятаться.

“Хотя для Франко она уже давно – проходной двор”, – напомнила я себе, но жениху ничего говорить не стала.

Не в его состоянии переживать ещё и за настырного братца.

– Утром я уйду, – пообещал он. – И не пугайся, если перестану отвечать прямо сейчас. Глаза закрываются.

– А что с воспоминаниями? – поспешила узнать я, пока жених не уснул. – Что-нибудь всплывает?

– Не знаю. Темно, как в Бездне, даже песню про дождик до конца пропеть не могу. Мысленно. Не вовремя как. Столько дел повисло. Боец ночью заболел, в караул некого ставить. Разведчик работает. Дикие со своими шпионами совсем обнаглели. В аптеку засунули... – Он со стоном потёр ладонями лицо и медленно выдохнул. – С Нестом нужно связаться. Он теперь вне

подозрений. Не виноват. Помогал Малии по просьбе знакомого. Зеркало, пожалуйста, достань. Оно в кармане. Забыл, где.

Я нашла переговорный артефакт в камзоле и передала его жениху. Неугомонный. Говорит с трудом, сил нет, а всё туда же – приказы раздавать и проблемы решать. Ну что за мужчина?

“Воин, командир и лучший убийца клана”, – ответила сама на свой вопрос.

– Проклятье, – прошептал он, сжимая зеркало. – Сосредоточиться не могу. Паршивая новость. Отколдовался, Соколёнок. Записку, значит, нужно накарябать. Поможешь? Чувствую, почерк у меня сегодня хуже, чем с перепоя.

– Конечно, – я дотянулась до тумбочки и взяла записную книжку. Бежать в кабинет не хотелось. Для этого пришлось бы оставить жениха одного. А вдруг ему станет хуже? – Что писать?

– Что лекарство дало побочный эффект. В отгуле командир. Под присмотром кланового лекаря. Пусть принимает отряд и... Ведьминское Пекло, не маленький. Сам знает, что делать. Разведчику отбой. Не разберусь я сейчас в тонкостях заговора. Шилу, аптекаршу, пусть не трогает... Хотя, зачем время терять? Нет, Шилу в сторону. Олафом пусть займётся. Помощником Малии. Под арест. По любому поводу. Нет, без моего приказа не выйдет. Письменного.

Сокол не успевал за собственными мыслями. Метался головой по подушке, боролся со сном и проиграл. Дыхание стало ровным, поверхностным. Уснул, страдалец.

Я всё-таки записала слова командира нашей охраны. Приказы отдавать он пока был не в состоянии. Оставалось надеяться, что Несту хватит просьбы, переданной через меня. Правда, записка тоже написана моим почерком. Но вряд ли меня заподозрят в обмане.

Я постояла несколько мгновений на пороге, не решаясь оставить Сокола без присмотра. Он спал, тихонько посапывая. Как будто полностью здоров.

“Туда и обратно”, – решила я, открывая дверь в кабинет.

Глава 13. Фредерико

Старый дом в центре большой деревни. Чёрный снаружи и тёплый, обжитой внутри. Я – маленький мальчик. Запачканный сажой нос, спутанные кудри и мятый конец покрывала в руках. Дверь распахнута настежь. Снаружи темно и холодно, но я знаю, что закрыть дверь невозможно. Она зияет как провал, как рана, через неё в комнату течёт страх. Снаружи мёртвые. Я вижу их косые тени и рваные движения. Они живут там. Ходят по улице и ищут меня.

“Фредерико должен спать. Уже поздно, мой мальчик”.

Я должен спать, но мне так страшно, мама. Мёртвые придут и будут рвать меня на части. А потом утащат с собой в могилу.

“Жди, сейчас придёт кто-то другой”.

Мёртвые расступаются, пропуская густую тень. У неё четыре лапы, узкая пасть и мокрый нос.

Волк!

Страх бросает меня к стене. Я сжимаюсь в комок и прячусь под одеялом. Волчьи зубы так близко, скоро запахнет кровью. Моей кровью.

Волк входит в дом через распахнутую дверь. Ступает тенью на мягких лапах. Большой. косматый.

“Не бойся его, Фредерико. Волк хороший”.

Я тяну руки и обнимаю его за шею. Шкура пахнет снегом и дождём. Она мягкая, я тону в ней. Волк тихо урчит. Ласковый, как собака. Играет, позволяет гладить себя по спине и трепать хвост.

“Мы с тобой, Фредерико, – говорит мама, и за спиной волка появляется волчица. – Мы всегда с тобой. Пойдём, здесь скоро станет опасно. Мёртвые слышат тебя”.

Бегу за ними, бросив одеяло. Плевать, что на улице ночь и мёрзнут босые ноги. Тени ведут сквозь толпу. Мертвецы лениво оборачиваются к нам, но ближе не подходят.

Пить, мама, я хочу пить.

Рядом колодец. Ведро привязано верёвкой к валу. Я кручу ручку, чтобы достать себе воды. Пить. бездна. как же хочется пить.

Почему они такие, мама? Что им нужно от меня?

“Деревенские? Они давно умерли, Фредерико. Их бросили не в землю, а в колодец. Рыбы обглодали кости, но черви остались. Пей, мой мальчик. Пей воду.”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.